

Рождалось слово...

**Сборник произведений слушателей
литературного семинара при
Ростовском региональном отделении
Союза писателей России
2014 – 2015 учебный год**

ББК 96(Рос-Рус)85
С-156

Коллектив авторов — Рождалось слово... — Сборник произведений участников литературного семинара при РРО СП России 2014 – 2015 учебного года. Издательство «Донской писатель» — Ростов-на-Дону — 2015 г. — 144 с.

Редакционная коллегия
Главный редактор П. Г. Малов
Члены редколлегии:
В. В. Морж, А. А. Прохода, В. Н. Убогий

От составителей

Это итоговый сборник произведений участников семинара при РРО Союза писателей России 2014 – 2015 учебного года.

В него вошли стихи и рассказы кандидатов в члены Союза писателей России и литераторов из городов Ростова-на-Дону, Таганрога, Новочеркасска, Азова, Шахт, Красного Сулина, Миллерово, Волгодонска, сл. Кашары, станции Мальчевской, ст. Новорождественской Краснодарского края, а также — членов Союза писателей России, вступивших в 2014 – 2015 учебном году.

ISBN 978-5-876-12-112-9

© Коллектив авторов, 2015 г.
© ООО «Издательство «Донской писатель», 2015 г.
© Иллюстрация Горбанёвой Г. А., 2015 г.
© Фото Хлыстова В. Т., 2015 г.

Участники семинара

Главные итоги семинара 2013 – 2015 учебных годов

Вот и закончился второй двухгодичный литературный Семинар при Ростовском региональном отделении Союза писателей России, который регулярно посещали, набирались опыта, учились литературному мастерству свыше тридцати кандидатов в члены СП России и участников ЛитСтудии.

Итоги этих занятий разные, но в общем, я бы назвал их положительными, так как они подняли на новый творческий уровень каждого из участников Семинара. А главным итогом является тот факт, что за период обучения в члены Союза писателей России приняты шесть семинаристов: Павел Малов (Ростов-на-Дону, 2014 г.), Татьяна Александрова (Миллерово), Людмила Андреева (Азов), Елена Арент (Таганрог), Анастасия Кривохижина (Ростов-на-Дону) и Ольга Лозбенева (Таганрог – все 2015 г.). Анастасия Кнутова (Ростов-на-Дону), Полина Колпакова и Татьяна Волокитина (обе – Таганрог) приняты кандидатами в члены Союза писателей России. Работают над кандидатскими заданиями и студийцы Владимир Убогий (Таганрог) и Ольга Ткачёва (Шахты).

Итогом Семинара стал и этот сборник, который ты, читатель, сейчас держишь в руках и с помощью которого ты можешь оценить уровень творчества практически каждого из участников семинара. Открывай его с добром в сердце и с любопытством в глазах.

В сентябре начал работу уже третий двухгодичный семинар Союза писателей России. Творческих успехов пожелаем ему.

*Алексей Береговой, председатель правления Ростовского
регионального отделения Союза писателей России*

Татьяна Александрова

*кандидат в члены СП России,
г. Миллерово Ростовской области*

Про Яшку-гаишника

Рассказ

Случилось это в начале девяностых. У дороги, ведущей от федеральной трассы к станице Глуховской, появился очень рьяный блюститель порядка с полосатым жезлом в руке. Местный народ быстро прозвал его Яшкой-рыжим. Таковым он и был. Его рыжий чуб всегда небрежно топорщился из-под форменной фуражки, а упитанные щёки были густо обсыпаны веснушками — настоящий рыжий, одним словом! Придирался он к сельским водителям по каждому пустяку. Молодой автоинспектор приходился станичнику Дмитрию свояком. Жаловались Дмитрию на Яшку, но всё без толку — принципиальным был его родственник и «принципиально» свой собственный карман пополнял. Затаили станичники на него обиду, и вот однажды пришёл долгожданный момент, когда удалось с ним расквитаться.

Стояла уборочная пора. Тракторист Василий поздно вечером возвращался домой. Выезжая на асфальтированную дорогу с просёлка, что по-над лесопосадкой, он возле обочины заметил что-то блестящее. Василий остановил трактор и, не выключая фар, подошёл поближе. Это был милицейский радар.

«Вот это да! — удивлённо подумал Василий. — Кто же его тут потерял?!»

Он положил радар в сумку, в которой носил с собой на работу еду, и поехал дальше: «А видать, этот инструмент —

Яшки-рыжего. Кто ещё тут с таким гарцует?» — предположил он, усмехаясь в прокуренные усы. Только об этом подумал, как мимо него на большой скорости пронеслась «гаишная» машина. «Вот, разбежался!» — злорадно произнёс Василий, глядя вслед быстро удаляющемуся автоинспектору. — «Самому-то скорость превышать можно», — с досадой добавил он.

В станице Василий направился к куму Игнату, который на днях ему жаловался, что в выходные Яшка-рыжий оштрафовал его на целую сотню! По подсчётам кума, на неё можно было купить две бутылки самогонки, а уж пива!.. Кум вышел на крыльцо в одних трусах, над которыми нависал большой пивной живот. Он с удивлением глядел на столь позднего гостя. Василий бодрой походкой шёл к нему навстречу с сумкой через плечо, на ходу бросив скороговоркой: «Здорово, дело есть!» Они зашли в дом.

Игнат выжидающе смотрел, как Василий что-то доставал из сумки. Наконец тот торжествующе выложил перед ним на стол милицейский радар.

— Во! — удивился кум. — Откуда он у тебя?

— Нашёл у дороги. Яшка, видно, потерял. Только я поднял находку, — он мимо меня на всех парах промчался в станицу.

— Вот это да! Повезло нам. Яшке смену утром сдавать, он теперь за свою потерю что хочешь отдаст, имущество-то казённое.

— Игнат, а давай сейчас соберём всех, кто пострадал от его поборов, и решим, как с Яшкой поступить.

— Так я не против. Точно знаю, кого он с весны штрафовал. Брательника моего на сотню развёл, тот на «Волге» от друга с бани ехал, чуток превысил под этим знаком злосчастным, Серёгу-крановщика сколько раз обирал без зазрения совести, про себя уже молчу. Лёшке-рябому на мотоцикле проехать не даёт.

— Ну, и я кое-кого знаю из пострадавших. Ты обзванивай своих, а я — своих. Только по телефону о цели сбора ничего не говори, а то не успеем обсудить, — разнесут новость, и до Яшки быстрёхонько докатится весть о находке.

Через некоторое время в доме Игната собралось человек десять. Узнав причину сбора, мужики, потирая руки, ухмыляясь и веселясь, обсуждали, как же наказать своего обидчика.

Тем временем Яков приехал к свояку Дмитрию, рассказал, что потерял радар. А случилось это по чистой случайности. Он, как обычно, стоял в засаде в укромном месте, недалеко от знака «40». Уже в сумерках проехал свояк, возвращаясь из областного центра домой. Был в командировке, а заодно накупил там всякой техники: новый сотовый телефон, кинокамеру, жене — электродуховку, начал хвастаться, на крышку багажника всё выложил, чтобы посмотреть, а Яков радар рядом положил. Пока поговорили о том, о сём, совсем стемнело. Свояк заспешил ехать. Яков распрощался с ним, а про радар-то и забыл. Остался он на машине. Уже когда свояк уехал, незадачливый инспектор обнаружил, что радар-кормилец исчез. Поискал: может, где упал? Но, увы...

Мелькнула мысль: «он в багажник к Дмитрию свалился», вот Яков и поехал к свояку в надежде найти потерю, ведь утром сдавать смену напарнику. Но, увы, радара в багажнике не оказалось, тот и предположил, что, может, он с крышки багажника по дороге свалился, да где-то лежит, если никто не поднял до сих пор.

— Не заметил ли ты кого-либо, когда ехал ко мне?

— Ну, мотоциклист перед тобой проехал. А больше никого. Нет, стой! — вспомнил Яшка. — Василий на тракторе проезжал, он откуда-то с полей вывернул, я его обогнал.

— Обрато поезжай помедленнее, посмотри на дороге, а если не найдёшь, так к Ваське заедешь, если нашёл — отдаст, он

мужик порядочный, ну, разве что магарыч запросит, — убеждал Дмитрий расстроенного родственника.

Он подробно объяснил незадачливому свояку, где живёт Василий. Но того дома не оказалось. Его жена, неприветливо оглядывая незваного гостя, строго спросила:

— И зачем он тебе понадобился?

— Очень, очень нужен по важному делу! — торопливо и как-то непривычно заискивающе произнёс Яков.

— Ну, если по важному,.. то к куму Игнату загляни, туточки — через две улицы.

Когда Яшка-рыжий подъехал к дому Игната, его сразу насторожило скопление машин у двора. «Волга», несколько «Жигулей», две иномарки, хозяева которых были хорошо известны блюстителю правил дорожного движения, он не раз останавливал их взмахом своего полосатого жезла. Тут же стоял трактор Василия. «Странно, чего это они здесь собрались?» — в сердце у Яшки тревожно ёкнуло. Стараясь не поддаваться внутренней тревоге, он твёрдой походкой подошёл к двери и громко постучал. Услыхав голос хозяина: «Войдите — не заперто», Яков кашлянул в кулак и решительно открыл дверь.

В просторной комнате за круглым столом, вальяжно откинувшись на спинку стула, сидел хозяин дома — Игнат, рядом с ним тракторист Василий и ещё два человека. Кто-то разместился на диване, креслах. Все они в упор смотрели на вошедшего.

— Здравствуйте всем, — произнёс Яшка, снимая головной убор.

— О! Какие люди к нам пожаловали, доблестный страж порядка с особо опасного участка на нашей районной трассе. Чем обязаны, что привело тебя к нам?! — произнёс Игнат со злой иронией и степенно вышел из-за стола навстречу гостю, не ответив на его приветствие.

Яков чувствовал неловкость ситуации, враждебно-насмешливые взгляды присутствующих так и жгли его со всех сторон, и ещё он нутром чувствовал, что не случайно они собрались здесь в столь поздний час.

— Мне Василий нужен.

— А зачем он тебе? — Игнат стоял напротив Якова, сцепив руки на груди.

— Радар я обронил, а он следом по дороге ехал, может, нашёл? — после некоторой паузы объяснил цель своего посещения Яшка.

В комнате послышались смешки.

— Ах, вот оно что! Да как же это могло случиться, что такой ответственный автоинспектор смог допустить такую ситуацию?! Потерять государственное имущество, считай — оружие! Тебя ж за это начальство по головке не погладит! Уволят вчистую! Правда, ребята?!

— Да, конечно, уволят! И поделом!

— Сколько можно честных водил обирать! Чуть превысил скорость под этим знаком — штраф, аптечку забыл — штраф! Только всё себе в карман.

— Теперь сам влип! Так тебе и надо! Выгонят это точно! — раздавались со всех сторон голоса.

Яшка завертелся, как уж на сковородке, раскраснелся, за-нервничал, чувствуя, что они неспроста с ним так напрямую дерзят, козырь у них в руках.

— Игнатий Петрович! Ну, простите, если в строгости своей я иногда перебирал, но ежели вы нашли мой радар, не темните, скажите прямо, поймите, мне же смену сдавать. Василий Кузьмич, вы ехали следом, не находили?.. Я отблагодарю... — с надеждой в голосе вопрошал автоинспектор, припомнив вдруг отчества присутствующих.

Тут тракторист Василий, хитровато переглянувшись с кумом, заявил:

— Нашёл.

Глаза Якова радостно засветились.

— Спасибо, спасибо! Где же он?!

— Там и лежит, где потерял.

— Так поехали, покажешь! С меня магарыч!

— Э! Нет, магарычом тут не отделаешься, — вступил в разговор Игнат. — Ребята, что мы там насчитали? На какую сумму нас нагрел этот честнейший автоинспектор за полгода своей работы на нашей дороге?!

— Две тысячи вышло.

— Так вот и верни наши трудовые, незаконно изъятые в личное пользование, — заключил Игнат.

— Так сами ж давали, чтоб протокол не составлял!

— А ты и рад стараться. Лютуешь без меры, за любую мелочь цепляешься. С кого берешь? С земляков.

— А перед законом все равны, — пытался было повесить голос Яшка.

— Перед законом говоришь?! Кто б говорил! Да закон для тебя — твой карман. Не согласен со сделкой, — мы твой радар твоему областному начальству доставим, расскажем, какие у него нерадивые работники.

— Да ладно, мужики, согласен я.

Яков достал из кармана пачку денег. Вздохнул обречённо, собирал ведь на новую машину. «Ну, ничего, восполню потерю. Попляшете вы ещё у меня!» — мстительно подумал он, торопливо отсчитывая две тысячи.

— Вот, забирайте, — выложил он деньги на стол, — Ну, где радар?

— А ты не спеши, — руководил Игнат разборкой. — Ещё тебе условие.

— Какое ещё условие?!

— Переводись с этого участка, чтоб мы тебя здесь больше не видели!

— Это почему? Я ж вам деньги вернул!

— А не нравиться ты нам. Тут таких ушлых до тебя не было...

— Ну, вы даёте?! Не вы меня сюда ставили...

— Ну, как хочешь. Будешь без радара.

«В конце концов, ничего не потеряю, — секунду подумав, решил Яков. — С чужими, будет легче».

И, досадуя на себя и мужиков, клятвенно им пообещал перевестись. На том и порешили. Автоинспектора «почётным эскортом» из нескольких машин проводили к месту потери радара, где тут же «нашли» его в кустах на обочине дороги. Схватив свой радар под хохот собравшихся, Яшка рванул прочь.

Весть об этом случае облетела всю станицу, и местные водители, проезжая по дороге мимо Яшки-рыжего, весело посмеивались, высовываясь из окон своих машин, а самые смелые с ехидством советовали: «Радар крепче держи!» Яков рапорт о переводе подал, но начальство не спешило дать «добро».

Через некоторое время он всё же дождался перевода и стал работать в другом районе. Но глуховских станичников и там не цеплял, даже нарочно отворачивался, если узнавал. А если кого случайно остановит — козырнёт и счастливого пути пожелает...

2014 г.

Людмила Андреева

*член Союза писателей России,
г. Азов Ростовской области*

Предновогодняя сырость

...А на тихих перронах
Снова сырость ютится,
Отрицая фатальность
И не веря в исход. –
Одинока, бездомна
Дни читает и лица...
Она первая встретит
Прибывающий год.
Что-то важное спросит.
И, не помня ответа,
От морозов скрываясь,
В чей-то вторгнется мир,
Где дождливая осень
И зонтов эстафета
И попытки заблудших
Превратиться в эфир.

Под бременем междустрочий

И неба, и земли хватало нам,
И лунности, и солнечного света,
Степенности зимы, восторга лета. –
Мы всё с тобой делили пополам.
Но каждому пределу свой надлом.
Как этим строкам – бремя междустрочий.
Теперь в рассвет мы рвёмся напролом
Сквозь ночь – не поделить нам этой ночи.

В ней нет стихов. И только едкий дым, –
Химерный, к нашим жизням безучастный,
Довлеет на твои-мои следы,
И глушит одиночные контрасты.

Маскарад

Ты сквозь толпу пропустишь взгляд,
Дитя удачи.
Горит костром ночным наряд,
И в нём ты значим.
Возьмёшь бокал, пригубишь яд
Неуязвимо,
Прошепчешь: «Это маскарад,
Вы – пилигримы».
Персоне каждой – доза лжи
И доза желчи.
Отмеришь. Выдашь – «Будем жить.
Arrivederci!»
Рабы судьбы из рук твоих
Возьмут бокалы
И не поймут, хлебнув из них –
Там что мерцало?!
Под завыванья диких вьюг
Угаснут лица,
Утихнут души – в адов круг
Велишь им литься.
А сам – безудержный герой –
Игрок на жизни,
Исполнив роковую роль,
Забыв о тризне,
Приблизись ко мне, вздохнёшь,
Предложишь яда.
Скажу: «Не пью, я – вне игры,
Вне маскарада».

Не судьба

Он придёт – внезапный. –
Постучится.
Зонт и плащ, и мартовская мрень.
Он попросит с ним в апрель лететь
Через всё, что бодрствует и снится.
Прикоснётся к памяти, дрожа,
Растворив туманы едкой грусти.
Обожжёт, изнежит, не отпустит. –
Затрепещет птахою душа.

Я спрошу у нервного дождя,
У незримых горизонтов дальних
И у чаек суетно-печальных –
Кто он – беспокойный – для меня? –
Не ответят. Выветрят вопрос.
И напомнят тени в одночасье
О Его побеге в дым ненастья
От зажжённых Ангелами звёзд.

Рассветный дым

Хочу к тебе.
Плывёт рассветный дым –
Печален, одинок, меланхоличен.
...К тебе – от суеты и безразличий,
От бренности – к пространствам неземным.

Рассудочно, безудержно хочу. –
Так жаждет нищий хлеба и приюта.
Так пережить горящую свечу
Мечтает дня последняя минута.

Но ты молчишь. – Теперь неуязвим...
Бессмыслия терзают мозг, – нелепо.
И дым рассветный шепчет мне: «Живи...» –
Он от роптаний защищает небо.

О нас

Тебе посвящаю...
Тобой выживаю...
В твои беспокойные ночи влетаю.
Стучусь в твоё сердце, что золота чище.
Молюсь, чтоб не знать мне любви пепелища.
Смеёшься в ответ на признания эти.
И смех, что любви неподатливый ветер.
Разносит слова, их забвением сушит. –
Но есть, кроме слов, наши вечные души.

Осень

Лист кленовый пронёсся мимо, –
Не прильнул, не коснулся даже...
Листопадит необратимость. –
Ей быть ласковой не прикажешь.
Грустно в старом саду.
Тоскливо. –
Безысходно поникли вишни,
Сиротливо вздыхают сливы...
Так уж вышло.
Зачем так вышло?
Горечь времени отчуждений
Спешно птиц собирает в стаи.
...Не хватает прикосновений,
Слов и радости не хватает.

Елена Арент

*член Союза писателей России,
г. Таганрог Ростовской области*

Сад

...Станет осень приметной –
сад опомнится, полураздет,
в перекрестия веток
солнца кроткий вплетая след.
Прихожанами сада
у смиренных замрём стволов:
посреди листопада
облетевших не надо слов...

Тряпичный клоун

Неумело когда-то шит,
ты собой забавлял и тешил, –
от заботы чуть постаревший,
забывать меня не спеши
и теперь, среди пыльных ваз
и фарфоровых статуэток,
в тот же блёклый колпак одетый,
но улыбчив и ясноглаз.
«Никому тебя не отдам» –
помнишь тихих четыре слова? –
мой, из детства, тряпичный клоун,
погрусти обо мне иногда.

Песочные часы

Сном тревожным, вещим словом,
лунною пылью, словно
неразгаданная тайна,
ночь осыпалась – и снова
за моим окном светает.
Необузданный, струится
над рекой восход. Бессрочно
жизнь – крупица за крупицей –
теплится в часах песочных,
времена сплетает в звенья:
всё, что было, всё, что будет...
Теплится сердцебиенье
в перевёрнутом сосуде.

Одинокий час

Осенний лес – в отчаянье – раним,
в нём гул опустошенья, гул утраты,
и стаи птиц трепещутся над ним,
и листьев остывающее злато.

Их не вернуть, их век земной угас –
и горевать о прошлом бесполезно.
Но пусть меня надежда не предаст,
когда в мой самый одинокий час
осенним стану лесом...

Не провожай меня

Не провожай меня. Близок час:
взметнув тишину окраин,

по кольцевой к небосклону мчась,
развеют хандру трамваи.
Сползёт с домов полуночный грим.
К рассвету припав устало,
уснут и звёзды, и фонари –
их тени тебе оставлю.
На мостовых заблестит слюда,
вокзал удивит вокалом.
Знаю, другие есть города.
Знаю, тебя в них мало.

Верь дороге

Верь дороге, а если боль
от разлуки невосполнимой
ляжет каменным исполином,
в вышину всмотрись голубиную –
вьётся горлица над тобой.
И не сетуй на бренный мир,
раскрошив на мгновенья вечное, –
достань из мешка заплечного
зёрна хлебные и беспечную
душу крылатую накорми.

Ожидание

Переполнен капельным граем
и туманом густым измят,
ветки сада отогревая,
в окна вновь постучится март. –
Чьи весенние птичьи вихри,
сны предутренние тесня,
увлекут меня, и утихнут,
и очнутся внутри меня.

Татьяна Волокитина

*член ЛитСтудии при РРО СП России,
г. Таганрог Ростовской области*

Роды

Рождалось слово из души...
Смотрела с изумлением,
Как в нём шептались камыши
На краешке мгновенья.
Как вечность, звёздам миг скормив,
Щепоть молитвы тихой,
Роняла с белых, тёплых крыл
Над тишиной великой.
Сиял невысказанный свет
В предчувствии младенца,
Ещё не верилось в успех,
Ещё томилось сердце.
И оставалось лишь дышать
И ждать, от боли маясь...
Минута шла...
Другая...
Пять...
И роды состоялись.
Ещё небывшие слова
Пробили оболочку,
А в них звонят колокола
И жизнь стоит за строчкой.

Безмятежность

Ощущенье преддверия рая
Под светящимся сводом раки,
Где букашка ко мне, как родная,
На ладошку залезть норовит.

Где мгновенья чисты, неподдельны,
Без страстей и уродливой лжи,
Где не ломится шум запредельный
Децибелами в царство души.

Раньше я и не знала, что можно,
У подножия ивы сомлев,
Всем своим существом непреложно,
Быть и с Небом, и близко к земле.

Быть счастливой средь летнего царства,
Безмятежности малость приняв,
И жалеть муравьишку в мытарствах,
Заплутавшего в шелесте трав.

* * *

В мир Слова, забыв все знания,
Входила. – Манила даль.
Небесный сквозь крышу здания
Лил свет. А Земли рояль
Сонатю кленовыми листьями
Отслеживал в тишине,
Молитву на клавишах выстрадав,
К ней дав приобщиться и мне.
Как высь открывалась с трудностью
На ангельском сне страниц!

Как каялся вечер лунностью,
Упав перед Богом ниц!
Свергались с престола идолы,
Судьбинная ткалась нить,
И было дано Давидовой
Любовью дышать и жить.

У кромки млечного порога

Сирень цветет. Стою в глуши,
Забыв сумятицу, тревогу,
Чтоб тёплых звёзд стряхнуть немного
С ветвей в хранилище души.

Чтоб светолитьем слёз в тиши
У кромки млечного порога,
Напившись вечным Словом Бога,
Молитву тихо совершить.

И отыскать в себе себя,
Покаявшись и всех любя,
До боли сердцем оголиться,

И новый облик обрета,
Как несмышлёное дитя,
Для счастья солнечно открыться.

* * *

Есть такие места,
Аж до дна просветлённые,
Там природа чиста,
Будто Лики иконные.

Там души существо
Для небес отворяется,
Каждой клеткой родство
От земли ощущается.
Это место – моя
Ненаглядная родина,
Деревенька, где я
Родилась, где намолена
У крестов благодать
Предкам радостно,
Где открыла мне мать
В Боге надобность.

* * *

Вновь холод донимал лицо,
И души зябли,
И прорицали нам с лентой
Разлуку капли.
Преображалась тишина
Рассветным вздохом,
И разговор вела волна
Высоким слогом.
А ветер выл. У Вас ладонь
Была горячей.
Казалось, небо только тронь,
Сильней заплачет.
Лепились к зябнувшей щеке,
Дрожа, дождинки,
Боль до Всевышнего в тоске
Несли слезинки.
И оттого двоилась тень
Могучей липы,
Но прорывался новый день
Сквозь тьму и всхлипы.

Наталья Воронина

*член ЛитСтудии при РРО СП России,
г. Красный Сулин Ростовской области*

Рождается стих

Рождается стих, первым словом дыша,
И первой строкою свой пробуя голос,
И, словно ладонь, примет вес малыша
Тетрадный листок, с новой жизнью знакомясь.
Он будет терпеть независимый нрав,
И мыслей скачки, и неправильный почерк...
И будут цветы расцветать среди трав,
И будут взростеть наши дети и строчки.

Бродили тучи между нами...

Стояли тучи над полями –
Земля готовилась к дождю;
Бродили тучи между нами,
Как будто сеяли вражду.

Был воздух густ и плотен, вязок,
И мысли – тяжести под стать,
Казалось, мы теряли разом
Всё то, чего не наверстать!..

Я помню летний синий вечер,
Где всё не то и всё не так;

И – ливень, вдруг накрывший плечи,
Твой скорый взмах, похоже, знак...

Потоки, хлынувшие дружно,
Сухой спасительный навес –
И оказалось очень нужным
Негодование небес...

Я не скажу, что всю досаду
Тот ливень смыл, но он прошёл;
И то тепло, когда ты рядом,
Я кожей помню хорошо...

Спелая малина

Тяжёлой каплей спелая малина
Ложится с ветки прямо на ладонь...
Не проходи, мой торопливый, мимо –
Со мною дождь малиновый затронь!

Готовит утро к красочным сюжетам
Цветы и травы, завязь и плоды,
В росинке малой – все оттенки света,
А в переливах света – снова ты!

Узорный лист, зелёная прохлада,
Колючий плен затейливых ветвей...
Я чувствую, я знаю – где-то рядом
Тот, с кем июля радости острей!

Тот, в чьих глазах – сияющее лето,
С кем ярче цвет стремительной поры!..

Полно лукошко ягод – только где ты? –
Не откажись отведать те дары!..

В Старый Новый год

Шепну я в Старый

Новый год желание, –
Быть может, году, может быть, – тебе;
Мы в этом зимнем вихре ликования –
Как две снежинки – в вальсе, по судьбе.

Подхватит ветер легких мыслей кружево
И унесёт в неведомые дни;
Два силуэта – в сумерках завьюженных,
А выше – лишь вселенские огни...

Растаем вместе в пламени пророческом,
На той вершине светлого родства!..
Мне так понять тебя сегодня хочется,
И удержать секунду волшебства!

А Старый год – он мягок и таинственен,
И, может, года Нового добрей!..
И наш воздушный танец – не
единственный,
Как снегопад полночный у дверей...

Валентина Данькова

*кандидат в члены СП России,
г. Таганрог Ростовской области*

Клава и Гиппократ

Рассказ

Клавдия открыла глаза. Увидев незнакомые лица, прошептала:

— Где я?

— Да вы не волнуйтесь, — улыбнулось ей милое женское, — сейчас я вам шоколадку разверну... Я же говорила, у диабетиков обмороки случаются...

— А я считаю, и при других нехороших болезнях бывает... вон, какая бледная, и лицо заострилось, может, шоколад и нельзя...

— А врача кто-нибудь позвал?

— Та позвали! Их же тут, хоть пруд пруди, а человек и умереть может...

— Я вот никак не могу понять, почему в этой поликлинике вечное столпотворение? — возмутилась грузная женщина, опираясь на «ходунки», она пыталась протиснуться к двери хирургического кабинета. — Сорок минут уже жду!

— И за талонами надо в пять утра идти, так ведь и не достоишься, — поддержала её худощавая интеллигентного вида женщина.

— А в других, думаете, лучше? — вклинился в разговор мужчина. — И что ж тут непонятного? Вы сейчас в магазинах очереди видите? А! Потому, что дефицита нет...

Клавдия вспомнила, как подошла к кабинету. Выяснив, что впереди было ещё три человека, подумала: «Ну, как всегда, невролог лечит «заговорами». — Присесть было негде, и она прислонилась к стене...

— Дайте же пройти! Что тут случилось?

Чужие лица отступили, а приблизилось знакомое, даже очень, с близоруким прищуром, и, как всегда, не очень уместным макияжем. При виде бывшего лечащего врача у Клавдии дрогнуло сердце, и она окончательно пришла в себя.

— А, это вы... — сухо проговорила та, перехватив пальцами запястье Клавдии, — что тут у нас? — глядя на циферблат, помолчала. — Вы завтракали?

— Нет... я кровь сдавала... я с собой брала, только не успела...

— Может, «скорую» надо вызвать? — робко предложил кто-то.

— А давайте, я буду решать, что в данном случае делать. Здесь — хроника, острого ничего нет. Ей просто поесть нужно... Вы же знаете, Клавдия Евсеевна, а не следите... у вас номерок к кому?

— К неврологу.

— Станет лучше, вас пропустят, — распорядилась Нина Фёдоровна, направляясь к своему кабинету.

Клавдия чувствовала себя скверно. Липким потом покрылось лицо, где-то в глубине волной зарождалась противная дрожь. Казалось, в страхе вздрагивает каждая клеточка. Но лежать на короткой деревянной скамье было неудобно, да и внимание привлечь неловко. Охая, она начала подниматься. Ей помогли две женщины, которые и заняли освободившееся место.

Откинувшись к стене, Клавдия выпила припасённой воды, положила в рот кусочек сахара и прикрыла глаза, переживая огорчившую её встречу с бывшей участковой.

С Ниной Фёдоровной у неё «вышло недоразумение». Так считала её соседка и близкая приятельница Лидия Петровна, преподаватель политэкономии и научного коммунизма в прошлом. Очередное «разрушение страны до основания» она пережила с потерями нравственных и прочих идеалов и спряталась от «этого безобразия» за иронией и сарказмом.

— Клава, оказывается, я всю жизнь работала доктором фантастических наук, представляешь? А ты с претензиями к врачу. Ну, не померила она впопыхах давление, ну записала в историю болезни данные, которые не определяла. А ты успеи всё это сделать за время, отпущенное на больного!.. Она и меня так пользует. А ты думаешь, она одна такая?

— А как же их клятва, Лидочка?

— Какая ещё клятва?

— Гиппократы...

— Какой, к лешему, Гиппократ? Ты спроси, они о нём, вообще, слыхали? Нас кто сейчас лечит, Клава? Жертвы девяностых годов! Целое поколение упущено, им не до Гиппократы было, а теперь и не до нас...

Но, как говорится, капля и камень точит. Однажды, после очередной встречи со своим терапевтом, Клавдия разрыдалась и, недолго думая, пошла к заведующей поликлиникой.

— Понимаете, — всхлипывая, заявила она, после рассказа о том, как её врачует Нина Фёдоровна, — я не могу обращаться за помощью к такому человеку... а у меня диабет, я гипертоник, да и ещё целый букет... Вот карточка, посмотрите...

Наговорила всё это Клавдия Евсеевна, конечно, сгоряча и... испугалась. Всю жизнь она проработала воспитательницей детского сада, иных слов, как уменьшительно-ласкательных: хлебушко, больничка, дочичка, капустка опасалась, а тут...

Полагая оставить всё, как есть, заведующая сначала пообещала «разобраться», но, разглядев на карточке жалобщицы пометку: «блокадница», напряглась в поисках выхода. Дело нельзя было доводить до «верхов». Так и возник этот пока редчайший прецедент: Клавдия Евсеевна лечилась у терапевта, которого выбрала сама.

И в этот раз, как обычно, получив из посещения поликлиники поучения: «лучше не болеть», «теперь никто никому не

нужен», она попросила сестру из регистратуры вызвать такси. Был конец января, позёмка заметала застывшие лужи, идти пешком было опасно.

Таксист появился быстро, выйдя на середину холла, громко спросил:

— Товарищи, кому экипаж? Подан – к подъезду...

— Мне, — с удовольствием откликнулась Клавдия на — «товарищи».

Далёкая от общественных дел прежде, она теперь с удовольствием поддерживала беседы с Лидией Петровной о былом. В том, уже невозвратимом прошлом, имелось много чего хорошего, о чём сожалела и она. Слова «товарищ», вытесненного с позором, казалось, не хватало. Клавдия Евсеевна роптала в душе, когда к ней обращались: «женщина» или, того лучше: «бабушка».

— А как же тебя, Клава, называть? — потешалась над ней Лидия Петровна. — Госпожой?

Хотя, на самом деле, ей и самой это было противно, возмущалась и она.

— Десять процентов «дорвавшихся» и «звёзд» себя в междусобойчике величают «господами»! — А не придумали, как называть своих «подданных». За то, что они «прихватизировали», нам, в порядке компенсации, могли бы «товарища» вернуть.

Сейчас так громко и уверенно звучащее, оно приобщило её ко всем, на миг она почувствовала давно не случавшийся прилив внутренних сил, а себя не такой одинокой, старой и заброшенной.

Увидев клиентку, с трудом поднимающуюся из кресла, парень помог ей и, предложив руку, повёл к машине.

— Мы с Тamarой ходим парой, мы с Тamarой — санитары, — пошутил он и представился. — Я — Артём, а вас как зовут?

Приятно удивившись, Клавдия назвалась.

Усадив женщину и забравшись в машину, поинтересовался:

— Давно болеете?

Этот, казалось, простой вопрос ещё больше растрогал Клавдию, и она рассказала о случившемся.

— ...а болею, сынок, давно, можно сказать, с детства, как пережила блокаду...

— Так вы ленинградка?! Ну, я вас поздравляю!

— С чем?

— Как с чем? Сегодня ж такая памятная дата, день снятия блокады.

— Ой, и правда... я накануне помнила, а от хлопот этих запаматовала. А вы, Артём, я смотрю, молодой, а в курсе...

— А как же, к нам в детский дом всегда ветераны приходили. Я всю историю Отечественной, как свои пять пальцев... Да и по радио сегодня несколько раз уж поминали, — и вдруг резко затормозив, обратился к диспетчеру. — Ксюша, тут такая история... в общем, я сейчас на перекус стану, в районе кафе «Минутка», потом пассажирку доставлю и отзвоню...

— Так вы в кафе хотите? — разочарованно вздохнула Клавдия. — Ну, ладно, идите, я подожду, хотя отсюда до дома мне минут десять идти, только сейчас...

— В кафе мы пойдём вдвоём, Клавдия Евсеевна, — запахнул перед ней дверцу Артём и подал руку. Событие это надо ж отметить, да и диабет пугнём...

— Нет, нет! Что вы?..

— Ну не будете ж вы сопротивляться?

— Не буду... — улыбнулась Клавдия, — только... — она развела руки, — я и одета не для кафе... и могу сделать что-нибудь не так... я ведь, Тёма, в кафе, не помню когда была. В последний раз... на поминках и то давно.

Вячеслав Дутов
кандидат в члены СП России,
г. Красный Сулин Ростовской области

Вырастает в братстве

«Донписатель». Семинар.
Образов – палитра.
Мы, как в почву семена,
Врыты и политы.

Всходы вышли на простор –
Узенькие крохи.
Каждый саженец отбор
Получил у *профи*.

Поросль буквами-лиственной
Побежала к небу...
Словно в мае – под фатой –
Скрыты быль и небыль.

Пишет книгу коллектив
Словом живописным.
Индивидуумы стиль
Свой стремятся впрыснуть.

Аллегорий кружева,
Звон аллитераций! –
Строевые деревья
Вырастают в братстве.

Ирина Дьяченко

*член ЛитСтудии при РРО СП России,
станция Мальчевская Ростовской области*

Полнолуние

Луна, как спелый абрикос,
Над горизонтом зреет низко.
Прохладу ветер в ночь принёс
Грозы, прошедшей где-то близко.

И вечер, расплескав печаль
Росой дрожащей по травинкам,
Обнял за плечи невзначай,
Укутав грустью-невидимкой.

Свечей не надо. Льётся свет...
Бокал вина – рубин в оправе,
В реке вопросов – лунный след
И две души на переправе.

Душе светло и одиноко

Душе светло и одиноко...
В ней мир притих, ни хмур, ни зол,
В ней небо смотрит синеоко,
Ромашек свет стряхнув в подол.

В ней сны цветочно-колдовские,
Где трав весенних изумруд

И эльфам крылья золотые
Из паутинок феи ткут.

В ней тишина, как мёд тягуча,
Где звуки вязнут на бегу,
А мысли солнечно – певучи,
Стрижами чертят синеву.

Мимоза

Обострены, полупрозрачны
Все чувства раннею весной.
Мимозы звёздочки маячат
Тревожной, жёлтой новизной.

И в сердце трепетно и скрыто
Рождается неясный след
Души влюблённой Маргариты,
Стремящейся на лунный свет...

Мечты, с глазами снежных сов

Мечты, с глазами снежных сов,
Неслышно сели мне на плечи.
И ночь текла без лишних слов,
Часы сжигая, словно свечи.

А за окном мела метель,
Мир погружая в белый хаос.
Летела снежная шрапнель.
Снегам неведома усталость.

Луна всплывала в вышине,
Как красный купол минарета.
Удары пульса в тишине
Сливались с завываньем ветра.

Мечты, с глазами снежных сов,
Беззвучно крылья расправляли,
Освободившись от оков
Мятущейся в снегу печали.

Отрывок монолога

Ты душу не томи молчаньем.
Глохну
От крика, что внутри.
Немая мука.
Какая эта странная разлука,
Когда я рядом –
Сохну
Цветком бесцветным, хрупким.
Лишь гербарий
Между страниц тобой любимых книг:
Запечатлённый солнцем летний миг,
Отыгранный сценарий.
Я разбиваюсь вдребезги
На части...
Как луч, о зеркала твоих зрачков.
Вновь дешифрую криптограммы слов:
Остры осколки счастья.
Внутри меня –
Обрывки монологов
Из чайных жгучих ноток имбиря,

Тепла разлитого весеннего огня.
Мне, верно,
Нужно много...

Белый сумрак

Чернее ночи темнота зрачков,
Заиндевели пряди, стынут губы.
Душа, теряя теплоты покров,
Укуталась в снега, как в полы шубы.

Но только бесконечно холодна
Снегов летящих белая безбрежность.
В чертогах льдистых – омуты из сна,
Хранящих цепенеющую нежность.

Любить

Не размыкая рук,
Не отрывая глаз,
Тебя любить.
Песнею без слов,
Музыкой из фраз
Тебя будить.
Тонкою струной,
Прочной и живой,
На деке стыть.
Винною лозой,
Лунною росой
Тебя пьянить.
Тысячи морей,
Тысячи разлук

Сквозь мрак пройти,
Касаясь твоих губ,
Не размыкая рук,
От
 нежности.

Растрепал ветер клёны

Растрепал ветер клёны,
Листья долго шептались;
В мир привычно зелёный,
Цвета охры, – вплетались.

Лишь мазок, лишь касанье
Позолоты не смелой,
Отраженье сиянья
Солнца в облаке белом.

Наготы предстоянье,
Холодов отголоски,
Оседают в сознание
Как тумана полосы.

Острым краем кленовым,
Что в ладони ты держишь,
Мир тобой разлинован...
Так чего же ты медлишь?

Разомкни круг порочный,
И крылаткой осенней,
Став свободным бессрочно,
Разорви притяжение.

И поверь, не напрасно
Мы с тобой полюбили...
Клён стоит ясноглазый,
В брызгах солнечной пыли...

До осени остался только шаг

До осени остался только шаг,
Прозрачны и студёны стали росы,
И прядь серебряную в косы
Вплетает время, – тоже знак.

До осени остался только шаг...

Ты говоришь – не надо, не грусти,
Так зелены листвы ещё покровы
И дали светло-бирюзовы
И розам всё ещё цвести.

Ты говоришь – не надо, не грусти...

Ты не увидишь, как глаза блестят,
И я зажму в ладошке лист кленовый,
Он в сердце – отзвуком багровым,
Хотя не скоро листопад.

Но отчего тогда глаза блестят...

До осени остался только шаг,
Печаль и грусть внутри дождями множит,
Но притяженье в нас до дрожи
И мы шагнем с тобою в такт.

До осени остался только шаг...

Останься

Останься
Снегами белыми летящими.
Пой стансы
Душе на гребне настоящего.
Придумай
Меня. Окутай светлой нежностью.
Подлунный
Мир, околдован белой снежностью.
Миг вспомнить
Сплетенье рук под снегопадами.
Глаз полночь
Тебе дарю. Снежинкой падаю.
Мир сонный
Под покрывалом белым, кипельным.
Бездонный
И бесконечный, и целительный.
Желанье
Пленяет трепетно – мятежное.
Случайно
Останусь я в тебе надеждами...

Танго под дождём

Танцуем танго под дождём,
Не замечая струй тугих,
Глаза в глаза, с тобой вдвоём,
В круженьи бликов золотых.

Скольжение ног, касанье рук
И стук сердец под ритм дождя –

Всё, кажется, растает вдруг.
Не отпускай, держи меня!

Танцуем танго под дождём,
Зонты отброшены давно,
Для тел, наполненных огнём,
Вода, как терпкое вино.

Мы капли пьём, что на губах,
А дождь стучит, как метроном,
Размер две четверти в шагах –
Танцуем танго под дождём!

Октябрь рисует

Октябрь рисует графитовой крошкой
Штрихи оголённых ветвей,
Чернит пожелтевшего сада дорожки
Мазками холодных дождей.

Кисейным туманом леса пеленает,
Размыв медно-охристый дым,
Улыбкой застенчивой клёны сияют,
Просвечивая золотым.

Ветра острым грифелем тучи кромсают
И рвут лепестки с хризантем...
Тепло разольётся жасминовым чаем,
Смягчая графитовость тем.

Галина Ерёмкина

*член ЛитСтудии при РРО СП России,
руководитель ЛТО им. А. Недогонова,
г. Шахты Ростовской области*

В музее

Свинцовая в музее тишина
Для сердца материнского знакома...
Сюда заходит женщина одна,
Стал для неё музей роднее дома.

Она всегда задумчиво-грустна,
И медленно скорбящий взгляд направит
Туда, где молчаливая стена:
Лицо там сына в рамочной оправе.

Улыбка озорная, как всегда,
Для матери роднее всех на свете,
И сын не постареет никогда,
Ему лишь девятнадцать на портрете...

Всю жизнь стучатся сны через стекло,
Сны – как надежды, а по сути – драма...
Вдруг в доме станет шумно и светло,
Когда она услышит оклик: «Мама!».

И, стала мать давно уже седой,
И сына никогда она не встретит.
Но для неё он – вечно молодой,
Ему лишь девятнадцать на портрете...

Лето

Солнце треплет головки цветов
Пальцами лучистыми своими,
Ленточки серебряных ручьёв
Плещутся под клёнами густыми.
День поёт многоголосьем вод, –
Лето к нам пришло в звенящем громе,
Буйное цветение несёт
На своей распахнутой ладони.
Миг придёт, и календарный лист
Улетит, как мотылёк, порхая,
Но пока струной любви звучит
В нас его мелодия живая.

* * *

Ласковой летней порою
В лучах восходящего солнца
Кто-то – детской рукою –
Цветы положил на оконце.

И – даже звуки простые
Из сердца возникшей песни
Невольно на миг застыли
От их красоты небесной.

Тоскуя в пустой квартире
От жизненно-тёмных молний,
Я сердце к добру всё шире
Цветами детей заполню.

* * *

В хрустальной вазе на столе моём
Стоят цветы, возвращённые тобою.
Меняю воду... только день за днём
Они всё ниже никнут головою,
И падают, как слёзы, лепестки,
Наверно, увядая от тоски...

Монахиня

В окне сияла полная луна,
Дымок свечи скользил лениво...
Монахиня стояла, дум полна,
Молчанье, соблюдая терпеливо.
Надев святой монашеский убор,
Прогнав на миг очарованье сна,
Она к иконе обратила взор,
И с кротостью молиться начала.
В ней сердце безмятежно расцветало,
Как ландыш, свежестью благоухая,
Она глядела нежно и светло
На божий мир, ему лишь доверяя...
Монахиня проводит в келье дни.
В святых молитвах обращаясь к Богу,
И верит: только ангелы одни
Подскажут ей к Всевышнему дорогу.

* * *

Затрепетали звёзды от моей любви,
От боли, от потухших впечатлений,
Я в них ловлю угасшие мечты
Божественных летучих сновидений.

Ах, звёзды, неземные существа,
И наше Солнце вместе с вами мчится,
Не потому ли вновь моя душа
Упорно к вашей вечности стремится?

* * *

Под всплески уснувшего моря,
Из сказочных жарких дорог,
Без мысли, без чувства, без боли
На мой ты явился порог.
Тебя, словно вечную тайну,
Искала я в грёзах своих,
И миг этой встречи случайной
Стал веком – одним на двоих.
То было само откровенье:
Смешалось и небо и дно,
И мы ощутили мгновенье,
Которое жизни равно.

Воспоминания

Который год дожди пройдут,
Примчась издалека,
И белой стаей проплывут
Седые облака.

И отразится в сини вод
Зари вечерний час,
И прошлое ко мне войдёт,
Войдёт в который раз.

Мгновенья счастья наплывут
На грань моей тоски.
Твоей любви слова придут
Из памятной строки.

Осыплет звёздами окно...
Листвой завесит клён,
И под рукою оживёт
Аккордов лёгкий звон.

Он поведёт, не торопясь,
Заветный свой рассказ,
И сердце о тебе вздохнёт,
Вздохнёт в последний раз.

Детство

Тепло мне у родного дома,
Где всё святое, всё к лицу.
Как сказка давняя, знакома
Дорожка к отчему крыльцу.

Здесь серебрятся птичьи трели,
Ветвями плещут тополя.
И травы здесь не постарели,
Цветами тешится земля.

Я в мире детства заблудилась,
Брожу, мечтаю до утра.
И кажется: ничто не изменилось,
Всё помню – будто бы вчера.

Кошка

С мордашкой симпатичной,
Ты прелести полна,
А поступь фантастична,
Беззвучна и нежна.

Своим прикосновеньем,
Живительным теплом,
Своим умильным пеньем
Ты наполняешь дом.

Притягиваешь лаской,
И, таинства храня,
Какой волшебной сказкой
К себе манишь меня?

Ты словно бы случайно,
Обворожила нас.
Кто распознает тайну
Кошачьих умных глаз?

Звезда

Ночь... В комнате своей
Грущу... Мне одиноко.
В окне, среди ветвей,
Звезда горит высоко.

Во тьме, прекрасна и ярка,
Она в моём оконце.
Сияет мне, пока
Не выглянуло солнце.

И глядя нежно на её
Извечное пыланье,
Загадываю я своё
Заветное желанье:

Чтобы она ко мне
В ночной тиши спускалась.
Вела беседу... И в окне
Подольше оставалась.

Дочери

Всё о тебе здесь говорит в разлуке,
Где тонут звёзды, плещется залив,
Ты, как волна, в распахнутые руки
Бежишь ко мне, дыханье затаив.

Твоё лицо, твой чистый взгляд повсюду,
Забыть тебя на миг я не могу.
Я в этот час готова верить чуду,
Что ты со мной сидишь на берегу.

Рокочет море, ветер безутешен,
И надо мной разлука не вольна.
Сияют звёзды нам одни и те же,
И голос твой, как чуткая волна.

Его сейчас я слышу в шуме моря.
Спустилась с гор на берег синева,
Она развеет боль мою и вскоре
Волною донесёт к тебе слова.

Чина Золотова

член ЛитСтудии при РРО СП России,
г. Таганрог Ростовской области

Прощёное воскресенье

Рассказ

Что благими намерениями устлана дорога в ад, я убеждался не раз, да, как видно, плохо усвоил. Началось с того, что я проснулся раньше жены. Мало того, что я проснулся, я ещё и встал, и пошёл на кухню чего-нибудь выпить. И тут меня осенило: кофе в постель! Сделаю жене приятное! И как по заказу по радио говорят:

— Сегодня Прощёное воскресенье, и православные христиане просят прощения друг у друга.

«Вот и хорошо, — думаю. — Жена проснётся, а я ей кофе в постель и заодно прощения попрошу. Мало ли чего между нами было». Наивный. Я так и сделал. Знал бы... Недаром говорят: семь раз отмерь, то есть подумай. В общем, когда я сказал жене «прости меня!», она тут же поперхнулась, как будто можно поперхнуться горячим кофе, которое она цедила по капельке.

Окинув меня презрительным взглядом, как тварь какую-то, весьма неприятную, жена выдавила из себя:

— С кем?

— Что, с кем? — не понял я.

— С кем ты мне изменял? — сказала жена членораздельно.

— Да с чего ты это взяла?

Кажется, это был глас вопиющего в пустыне. Меня не слышали. Жена продолжала без остановки:

— Я так и знала! Кофе в постель! Подлизываешься? Ни

одной юбки не можешь пропустить! И кого же это ты облагодетельствовал?

Я повысил тон, чтобы быть услышанным, и начал с другого конца:

— Ты понимаешь, что сегодня Прощёное воскресенье.

— Ну и что?

— А то, что сегодня все должны просить друг у друга прощение. Я у тебя, а ты у меня!

— Я? Просить у тебя прощения? — Жена даже потеряла дар речи. Правда, на одну минуту. — Он изменяет, а я должна прощения просить?

Тут она посмотрела на меня с любопытством.

— Интересно, с кем? — сказала жена самой себе, как будто я был пустое место.

— Ну и думай, что хочешь! — Я собирался уйти.

— Ты куда? — Жена загородила выход. — Нет! Не пущу! — И ласково так попросила: — Ну, скажи, с кем? Я всё прошу! По-видимому, её гнев уступил место любопытству.

«Ладно! — подумал я. — Хочешь измену? Получай!»

— С кем, с кем... С Татьяной! (Татьяна это её лучшая подруга). — Ты же знаешь, как я её люблю!

К Татьяне я, действительно, относился хорошо и не скрывал этого. Глаза жены взметнулись к потолку, потом остановились на мне с интересом. Видимо, она пыталась найти во мне то, что могло бы привлечь Татьяну.

— Вот стерва! — сказала жена примирительно. — И что она в тебе нашла?

Я почувствовал, что в глазах жены вырос.

— Ну надо же? А ещё и критикует тебя! Говорит, что такой же кретин, как и все мужики.

Жена тянется к телефону.

— О! Только не это! Не звони! — кричу я. — Я всё выдумал! У нас с ней ничего не было!

— Ты её защищаешь! — парировала жена.

— Ну, представь! Она ни сном, ни духом, а ты её, как обухом по голове! И что ты ей скажешь?

Тут я делаю крутой вираж и сбиваю жену с её стройных рассуждений.

— Ольга это, Ольга!

Жена знает, что Ольгу я терпеть не могу, поймёт, что напрасно ко мне придирается. Но не тут-то было. Это моё признание вызвало целую бурю.

— А! Так вот почему ты не разрешаешь её приглашать! Тебе стыдно! — И со слезами обиды: — Ну, как ты мог? С ней? Я от тебя такого не ожидала! Ясно! Она сама тебе на шею подцепилась! Но ты? Говоришь, что терпеть её не можешь, а сам...

— Но она же твоя подруга! — оправдываюсь я. — Ты же с ней общаешься! Тебе с ней интересно!

Жена задумалась.

— Ну, да, общаюсь. Ты знаешь, когда я с ней общаюсь, я чувствую, что у меня всё нормально: семья, уют... — сказала жена доверительно, и я понял, что лёд тронулся.

Она ласково заглянула мне в глаза и неуверенно попросила:

— Ну, признайся, с кем?

И тут радио, сыгравшее со мной такую злую шутку с утра, пожалело меня и сказало:

— Сегодня у православных христиан Прощёное воскресенье. Все просят прощения друг у друга...

— Вот! — крикнул я. — Слушай внимательно!

И жена сдалась.

— Ладно! — сказала она. — Живи! Прощаю!

И только я, успокоенный, собрался выйти, она добавила:

— Прости и ты меня!

Примирительная улыбка ещё сияла на моей глупой физиономии, а в мозгу уже шевельнулся червь сомнения.

— С кем? — с хрипотцой в голосе выдавил я.

Александр Квиткин
*член ЛитСтудии при РРО СП России,
сл. Кашары Ростовской области*

Зеркалова Женья*
Шутливая ода

Зеркалова Женья зеркально зеркальна,
Зеркалова Женья сегодня печальна.
Задумалась Женья о чём-то высоком,
Потом улыбнулась она ненароком.
И вот уже Женья веселья полна,
Она вдохновенна, прекрасна она!
На сказочный мир, что сейчас перед нами,
Взглянула она голубыми глазами,
Потом рассмеялась задиристо, звонко,
Совсем не учитель, а просто девчонка.
Зеркалова Женья стихи сочиняет,
Уверенным шагом по жизни шагает.
Она педагог, поэтесса и мама –
Красива, талантлива, в меру упряма.
Статейки газетные пишет, заметки.
Они актуальны и ёмки, и метки.
Берётся она за сценарий потом,
Сидит допоздна за рабочим столом.
На роли назначен последний артист –
Она режиссёр и она сценарист.

* Посвящается Юниковой (Зеркаловой) Евгении Николаевне – замечательному, творческому человеку, учителю сельской школы, филологу. Издала книгу «Спасибо, Жизнь!». Воспитывает двоих детей: Злату и Матвея. Учится в ЮФУ.

И вот... Распахнулись кулисы на сцене,
Но всё здесь покорно талантливой Жене:
Словами её говорят все актёры
И ткуются незримо событий узоры.
Конец представленья, какие моменты!
Овации в зале и аплодисменты...

.....
... Теперь, обращаемся к вузовской сфере,
На сессии Женя в своём *универе*.
Зачёты, экзамены, дело кипит –
Учебный семестр успешно закрыт.
И снова мечты и таланты на воле
И Женя опять в своей Киевской школе!
Она энергична – ни капельки лени,
Вся жизнь впереди у Зеркаловой Жени.
Зеркалова Женя, как свет, как весна,
Во всех зеркалах отразилась она!
С улыбкой шагает за вехою веха,
Давайте же ей пожелаем успеха!
Она, может быть, идеал человека –
Зеркалова Женя, как «зеркало века»!

О фиолетовом

Фиолетовым дыханьем
Чуть подёрнуты ресницы,
Фиолетовым признаньем
Перепачканы страницы.
Встреча вскоре позабылась,
В фиолетовом исчезла,
А разлука развалилась
В фиолетовых тех креслах.

Фиолетовой затее
Не растаять до весны,
Похромают вслед за нею
Фиолетовые сны.
В королевстве вихрей вьюжных
И зимы кривых зеркал
Дед Мороз, в полях жемчужных,
Фиолет порасплескал.
Выжигает душу больно
Фиолетовым огнём.
Я кричу: «С меня довольно!»
В горле – фиолета ком.
Фиолетовым началам,
Унисону двух сердец
Жизнь преподнесёт сначала
Непредвиденный конец.
Покрещусь под образами
Фиолетовых икон,
А вверху, над куполами,
Фиолетовый трезвон!
Всею душою припадаю
К фиолетовым истокам,
Жадно истину глотаю
В фиолетовом далёком.
Мне бы вволю надышаться
Фиолетовым рассветом,
И с тобой не расставаться
Даже ало-красным летом.

О забывчивости

Забудется всё: и стихи, и картины,
И что изготовлено наполовину,

И то, что талантливо завершено
Прокиснет, как в амфоре старой вино.
Забудутся мысли, забудутся жесты,
Как смех жениха и молчанье невесты.
Забудется взгляд мимолётный, скользящий,
Он где-то там, в прошлом, а мы в настоящем.
Забудутся странных раздумий сужденья,
Как без поздравлений, не твой день рожденья.
Забудутся темы, что душу кусали,
И ты описать это сможешь едва ли.
Забудутся шутки и шутники,
И губ уголок, и движенье руки;
Ненастья раскаты и всплески веселья,
Как радость и счастье от новоселья,
И речи и тосты за круглым столом
В квартире, когда уже сносится дом.
Забудется то, чем гордилась страна,
Что было «железно!» на все времена.
Забудется то, чем Держава «дышала»,
И, что сохраненью в веках подлежало.
Забудут героев быстрее, чем злодеев,
Умишком убогих и грамотеев.
И гениев память людская забудет,
Так было на свете, так есть и так будет.
Забудутся «Охи!», забудутся «Ахи!»,
Как в драке оторванный ворот рубахи.
Забудутся взлёты, обиды падений,
Риторики омуты, бездны сомнений
И горечь от частых и злых неудач,
Забудется смех и безудержный плач.
И слабость здоровья, и сила болезни,
Когда медицина уже бесполезна.
Забудется тяжких раздумий дурман,
Как выпитый лишний на пьянке стакан.

Значенье забудется старых наград,
Вручѣнных героям столетья назад.
Самих же героев, за давностью лет,
В былинах потом затеряется след.
Дорожки-тропинки быльѣм порастут,
Кресты на могилках в бурьян упадут,
И некому будет поведать тогда:
Что было? И как? И зачем? И когда?

Цыганчонок

(Из прошлого)

У цыганчонка на вокзале
Пустое *пузо* и карманы.
Поскольку плохо подавали
Скупые панночки и паны.

Уж так приплясывает он!
И напевает там чего-то.
Делиться вовсе не резон,
Насмарку вся его работа.

Воротят пассажиры нос
От лицедея на перроне.
Свистит надрывно паровоз
И господа уже в вагоне.

Напрасно тянется ручонка –
Приѣм избитый и не новый.
Мне жалко стало цыганчонка,
Я протянул ему – *целковый*.

Тамара Колесникова

кандидат в члены СП России,

г. Ростов-на-Дону

Сентября наивные надежды

Рассказ

Любе снились Эссентуки. Она ехала в машине по городу, направляясь в любимый Военный клинический санаторий. Здесь они с Сергеем часто отдыхали по льготной путёвке, как семья военнослужащих.

Когда Любу во сне вселили в номер, и она сняла с кровати покрывало, из-под него выскочил очень симпатичный мышонок. Его белая шерстка была покрыта розовыми пятнами, тонкий хвостик задран кверху, а на его конце — бантик. Мышонок «рванул» в сторону окна, а из-под кровати вынырнули ещё три мышонка. Они, испуганно пища, запрыгнули на подоконник... И Люба проснулась. На самом деле пищал будильник на прикроватной тумбочке, и женщина быстро прихлопнула его ладонью, опасаясь разбудить Сергея. Вышла во вторую комнату. Муж тихо спал на диване.

Пока была свободная минутка, Люба включила компьютер, вошла в Интернет, и сразу увидела на экране колокольчик, который качался, извещая, что пришла почта. Интернет был единственным окошком в мир. Сейчас вся жизнь Любы была посвящена мужу, который перенёс второй инсульт за год. Слава Богу, судно ему не надо было подавать, и до совмещённой с туалетом ванной комнаты он сам потихоньку, опираясь на палочку, добредал. Иначе полный караул! Сергей ростом был под потолок, да и весил больше сотни килограммов. А то, как бы смогла Люба ухаживать за ним при её субтильной комплекции?

Бросать мужа дома одного надолго было опасно, и Люба устроилась работать консьержкой в своём же подъезде. Сутки работала, трое — дома.

Раскрыв почтовый ящик, Люба прочитала:

«Уважаемая Любовь Евгеньевна Осокина! 25 сентября в 12-00 состоится встреча выпускников городского училища искусств. Мы ждём вас по старому адресу...».

Сразу почему-то вспомнилось, как с одноклассником Димкой Журовым они шли по улице после занятий. Была осень, жёлтые и красные листья устилали асфальт. Люба собирала самые красивые и вкладывала между страничек учебника соль-феджио, которые услужливо раскрывал Димка. Как давно это было! И каким он стал, тот прыщавый стеснительный ухажёр Журов? После окончания училища они ни разу не встретились.

Загудел вибратор на телефоне. Чтобы не разбудить Сергея, Люба перебралась в ванную комнату. Звонила Таня Баева, с которой они вместе окончили училище искусств:

— Любчик, — сходу зачастила та, — получила приглашение?

— Да, — стараясь говорить как можно тише, ответила Люба. И дальше в течение десяти минут она терпеливо выслушивала белиберду, которую несла подруга. Наконец, Баева догадалась спросить:

— А ты что решила, идёшь или нет? Только попробуй не прийти! Обижусь на всю оставшуюся жизнь!

Люба с досадой зашептала громко в трубку:

— Ну, ты же всё знаешь. Я бы пошла, да на кого Сергея оставлю?

— А подруга на что? — засмеялась Таня. — Я уже переговорила с Ириной, сестрой Сергея. Она согласна посидеть с ним полдня ради такого события.

— Ну, кто тебя просил? — расстроилась Люба.

— В общем, сами между собой разбирайтесь. А я отключаюсь. Пока, пока!

В принципе, пойти-то не проблема, если с Сергеем посидит Ирина. Но Люба давно не выходила на люди и задумалась — в чём сейчас ходят женщины на праздники и встречи? Она подошла к платяному шкафу и раскрыла его. Тут же раздался слабый голос Сергея:

— Мамочка, ням, ням!

Люба вздохнула и закрыла дверцы шкафа. Пригладила волосы, «надела» на лицо улыбку и, подойдя к дивану, произнесла нежно:

— Проснулся, мой мальчик? Сейчас разогрею кашку. Давай сходим в ванную комнату, приведём тебя в порядок.

Люба протянула мужу руку, и он поднялся с дивана. Вероятно, когда с ним случился второй удар, Сергей вспоминал своё детство, любимую маму. На этом и заикнулся. Люба не возражала, соглашаясь быть мамой и жалея мужа как болезненное дитя. О том, что она просто женщина, вспоминать было некогда.

Обслужив Сергея, удовлетворив его непритязательные потребности, Люба снова уложила мужа на диван и включила телевизор. Любимые мультики были найдены, и он лежал, счастливо улыбаясь и посасывая конфетки.

Люба снова подошла к шкафу, и сразу взгляд её остановился на бежевом костюме английского покроя. Женщине так захотелось померить давно не надёванный наряд, что руки задрожали. «По какому поводу я приобрела это великолепие?» — копалась она в памяти. Так и не вспомнила.

Люба скинула домашний халатик и примерила костюм. Он был впору. И туфли белые нашлись, и сумка натуральной кожи.

«А что, очень даже — думала Люба, крутись перед зеркалом и настраиваясь на волну праздника. — И фасон на все времена — классический. А вот постричься нужно обязательно и привести в порядок руки».

Уже на подходе к училищу была слышна музыка из фойе. У Любы задрожали коленки. Она вошла в холл, где двое

молодых людей галантно преподнесли ей зелёный шарик и пушистую красную гвоздику. Женщина оказалась в самом центре человеческого водоворота. Со всех сторон раздавались приветливые возгласы, поцелуи, радостный смех.

Люба пробралась к стене и скромно стояла, привыкая к шуму и большому скоплению народа. Быт поработил, женщина немного одичала и даже была слегка напугана. Что делать дальше, она не знала. Как всегда, на выручку пришла лучшая подруга Татьяна. Даже выйдя замуж, она не сменила генеральскую фамилию отца. Так и осталась Баевой. Скорее — боевой. Она пробиралась сквозь гомонящую толпу, ведя за собой какого-то мужчину.

— Любочка, пришла-таки, ну, слава Богу!

— Здравствуй, дорогая! — проговорил приятным баритоном мужчина. Он взял руку Любы и заглянул ей в глаза. Женщина недоумённо посмотрела на незнакомца. Баева рассмеялась:

— Она тебя, Димка, не признала. Да Журов это, Журов.

— Неужели я так изменился? Постарел, наверное. А ты, Люба, такая же. Я ждал твоего прихода и этой встречи. Ведь ты моя первая любовь! — бормотал он.

То, что стоящий напротив мужчина — видный, состоявшийся, который смотрел на неё счастливо-восхищёнными глазами, и есть Димка Журов, удивило Любу. Слова, что она — его первая любовь, смутили женщину. Они пришли в училище детьми пятнадцати — шестнадцати лет. Уже с третьего курса девочки стали заглядываться на выпускников и преподавателей. Ровесники их не интересовали. Любе помнились только прыщи на лице Димки.

Едва она собралась открыть рот и что-то ответить Дмитрию, как к ним подошла женщина под руку с девушкой, которая обиженно «промяукала» капризным голосом:

— Папа, ну куда ты пропал? Мы тебя едва не потеряли.

Дмитрий засмеялся:

— Да куда я денусь от вас? Люба, хочу тебе представить свою семью: жена, Юлия, и дочь Вероника.

Было очевидно, что семья у Дмитрия хорошая, жена очень приятная, а дочь без него жить не может. И Журов ими очень гордится. Тут все зашумели, потому что открылись двери актового зала. Народ повалил внутрь, сразу отгеснив Любу от семейства Журовых, и она вздохнула с облегчением.

Робко войдя в зал, Люба аккуратно присела на кресло, и сразу почувствовала себя комфортно. Куда-то ушли скованность, робость, все неприятные ощущения. Было легко дышать, сердце стучало ровно. Храмовая конструкция помещения, где часто устраивались концерты, действовала на людей умиротворяюще.

Началась торжественная часть, и Люба вдруг почувствовала чей-то взгляд. Повернула голову вполоборота, и увидела незнакомого мужчину, который смотрел на неё восхищённо и призывно.

Люба выпрямила спину и улыбнулась кокетливо, подумав: «Неужели, я могу ещё кому-то понравиться? Интересно, как я выгляжу со стороны?». Давно не приходили в её голову подобные мысли.

Когда бывшие воспитанники училища искусств начали поочерёдно выходить на сцену и рассказывать, каких они добились успехов, в числе выступающих оказался и тот мужчина, что засмотрелся на Любу. Теперь и она его разглядела. Мужчина был высок, статен, в ладно скроенном костюме тёмно-серого цвета. Лицо хорошее, открытое. И возраст подходящий, примерно пятидесяти лет. Люба плохо понимала, о чём говорит мужчина, больше рассматривала его, чувствуя взаимную симпатию к незнакомцу.

Возвращаясь на своё место, мужчина немного замешкался, столкнувшись с заинтересованным взглядом Любы. А та уже задумалась мечтательно: «Интересно, подойдёт ли он ко мне после торжественной части? А если мы познакомимся, что дальше? А вдруг он захочет проводить меня домой?»

Наконец ведущий торжественного собрания произнёс со сцены:

— Дорогие гости! Сейчас дружно идём в буфет, там накрыты столы для фуршета. А затем — в фойе училища, где будут танцы под живой джазовый оркестр.

Не успел ведущий закончить фразу, как застучали сидения кресел актового зала и народ повалил в буфет. Люба замешкалась, а когда вышла в фойе, там уже никого не было. Лишь учащиеся выносили из аудиторий стулья и ставили их вдоль стен. Готовилась сцена для эстрадного оркестра. Любе вдруг вспомнился сон, в котором присутствовали симпатичные мышата. Только те мышата очень быстро разбежались в разные стороны.

— Вот и мои кавалеры, услышав о пресловутом «бесплатном сыре», тут же забыли всё на свете. Пожалуй, нужно «теряться», пока Баева не обнаружила моё отсутствие, — улыбнувшись, тихо проговорила Люба. Она быстро вышла из училища, свернула за угол и сразу же забыла, где была и зачем туда приходила.

Красивая женщина по имени Любовь, глубоко вдыхая тёплый и пахнувший поздними цветами воздух, медленно шла по сентябрю, который буйно разыгрался позолоченной листвой деревьев. Было тихо, солнечно, радостно.

Молодой мамочке, которая вела за руку ребёнка примерно трёх лет, Люба подарила гвоздику, малышу — красивый шарик, и медленно побрела в сторону остановки. Она думала о том, что раньше, каждый сентябрь они с Сергеем ездили в Ессентуки, в любимый Военный клинический санаторий.

Да, в этом году поездка пропущена. Ничего, даст Бог, тромб в голове у мужа рассосётся, и он поправится. А уж она, Люба, все силы положит на это. Врачи говорят, что есть надежда на улучшение.

Нужно думать и мечтать о хорошем, только о хорошем, и тогда всё сбудется. Обязательно!

Ирина Коротеева

член Союза писателей России,

г. Ростов-на-Дону

Ангел

Весна. Скамейка. Незнакомый двор.
Ты здесь один. Читаешь приговор.
И буквы обнимают шею ловко,
И не спеша сплетаются в верёвку.
И этот май – последний твой приют.
А грозное облако – предтечей,
Обронит слёзы вдруг тебе на плечи,
И старый дом с некрашенной трубой
Нависнет обелиском над тобой.

И вот уже ты на столе распят.
Вся в белом от макушки и до пят
Склонится над тобою докторица.
И ты уснёшь, и будут тебе сниться:
И мама, и норвежская сестра,
Что вышла замуж в девяносто пятом.
Ты ездил к ней: счастливым, неженатым.
А после – на могилку каждый год.
Она тебя и в этом тоже ждёт.

В Господних кущах без тебя никак.
Ну, что же ты, медлительный дурак,
Застыл в неловкой позе у каталки?
Лежащего на ней себя так жалко...
Но посмотри: открытое окно!
Там, высоко, твои сестра и мама,
И пёс со странной кличкой Йокогамма.

Лети туда, на тысячи свечей!
Там ждут тебя! Ты здесь давно ничей.

Рванёшься ты повыше, в облака.
Ты полетишь. Но крепкая рука
Тебе: и наказаньем, и паденьем,
Надеждою, наградою, спасеньем.
И свят, и светел пред тобою лик.
И вспомнишь ты, что ангелы крылаты:
Скрывают крылья белые халаты.
Колпак крахмальный – нимб над головой.
С тобой она – и ты живой, живой...

* * *

Марине Ивановне Цветаевой

Сегодня ты зайдёшь в остывший дом
И сбросишь день у зеркала в прихожей.
Посмотришься: оно к тебе всё строже,
И ты одна и в том, и в том, и в том
Старинном у распахнутой кровати,
Запросишь у стекла пощады: «Хватит!»
Занает где-то слева под ребром.

И будет вечер горек и не прав.
А в окна – месяц, что совсем не нужен.
Но здесь – покой. Ты в панцире из кружев,
Сплетённых словно б из засохших трав,
Спасенье пьёшь из тонкого фужера,
И не с тобой сейчас надежда, вера:
Вино! Вино – вкусней других отрав.

Засветится знакомая звезда,
Опустится на край соседской крыши.
Ты обо всём подробно ей напишешь:
Что щедр Господь, что всё тебе отдал.
Ты – тратила, а, может быть, теряла.
Тебе – конец, увы. Другим – начало.
Что плакать? Слёзы – слёзы лишь вода.

Что раз лукавишь – и сейчас грешишь.
Что жизнь твоя – лишь пепел на кострище.
Тебе откажут в милости, как нищей:
По-русски выпить на помин души.
Ах, как вино в бокал красиво льётся...
Звезда твоя юродствует, смеётся.

Остановись, Марина! Не спеши...

Не забудь меня...

Не летящий снаряд – звезда,
Это гром – не зениток вой.
Я – совсем ещё молода,
Ты – пока что ещё живой.

Это – белых акаций дым,
Майский дождь – не кровавый пот:
Был счастливым для нас таким
Сорок первый далёкий год.

Закипал на жердёлах цвет,
И рвалась из земли трава.

Вижу я через столько лет
Как ты молод, а я – жива.

Через тысячи тысяч лун,
Через сотни веков, эпох,
Сорок первый со мной июнь:
Перекрёсток людских дорог.

Мы вгрызались в земную твердь,
Мы держались, чтоб не сойти.
Чтоб не выжить, не уцелеть:
Чтоб собою закрыть, спасти.

А судьба, как дано судьбе,
Раздавала свои благá:
Мне – Майданек, ну а тебе
Стала Курской петлёй дуга.

Ты светил мне с небес звездой,
Провожая в последний путь.
Я кричала тебе: «Родной,
Не забудь меня, не забудь!»

Я живу уж вторую жизнь.
Только ведь, всё одно, в тисках.
В той – сраженья и рубежи,
В этой мне без тебя – тоска...

Ольга Лозбенева

член Союза писателей России,
г. Таганрог Ростовской области

Ты нужен

Рассказ

Юрка закрыл ноутбук, положил его на диване рядом с собой.

— Надоело! Все в «Одноклассниках» сидят — фотки выставляют, чё-то пишут, а прийти...

Он махнул рукой, глянул на свою до колена загипсованную ногу.

— Угораздило ж так! Лето на дворе, а тут два месяца в этом панцире пробывать придётся! В полном забвении! Даже не звонит никто! Уже второй день. Как заболел, так никому стал не нужен!

Грустные мысли прервал звук мобильного.

— Юрик, привет! — услышал он знакомый женский голос.

— Здравствуй, Котёнок! — приветствовал он.

— Юрик, Ты мне так нужен!

У Юрия заблестели глаза.

— Есть «горячая» путёвка в Анталию! — зашебетала Котёнок. — Считай, даром! на неделю! «пятёрка», всё включено! Завтра в девять вылет.

— Котёнок! — проныл в трубку Юрка. — Я ногу сломал!

— Чего? Как сломал?!

Какое-то время в трубке была тишина. Потом её нарушил плаксивый женский голос:

— Юрик, ну ты нашёл время! Целый год обещал меня куда-нибудь на море свозить, а теперь... Вынуждаешь самой ехать!

— Котёнок, я ж не нарочно. Ты уж прости, получилось так.

— Я тогда с Лариской поеду — что ж такую возможность упускать! — не умолкал голос в трубке.

— Поезжай, — тихо сказал Юрка.

— Ладно! — успокоилась Котёнок. — Не раскисай. Я обещаю каждый день фотки в «Одноклассниках» выставлять. И привезу тебе чего-нибудь прикольноенькое. Правда, навестить не смогу. Мне же надо вещи собрать, купальник новый приобрести и маникюр сделать! Ты не обижайся. Выздоровливай! Целую!

Он отложил телефон.

— А говорила: «Нужен!» — покривлялся он.

Снова зазвонил мобильный.

«Что-то забыла сказать», — подумал Юрка и потянулся за телефоном.

— Здорово, Юрец! — раздалось из трубки.

— Мишаня! Сколько лет, сколько зим! Думал, ты меня забыл совсем!

— Обижжаишь! — пробасил Мишаня. — Я ж твой лучший кореш! Как же могу тя забыть!

— Миш, а ты чё, выпил?

— Токо капульку. Чего и звоню. Ты ме нужен! Ты ж ме друг?

— Друг, — подтвердил Юрка.

— Тода давай, прижжай! — скомандовал Мишаня. — Поддержать компанию.

Юрка живо представил огромные кружки пива, наваренных креветок и вяленую рыбу. Потом посмотрел на свою травмированную ногу и чуть не взвыл от досады.

— Я, Мишаня, не выездной — ногу сломал.

— Вот те на! А я на тя так надеился!

Юрка услышал в голосе Мишани разочарование.

— Я думал, ты ме бутылёк притаришь и закусон, а то у мя всё кончилось. И деньги тоже.

— Да что случилось? — спросил Юрка.

— Шеф в командировку уехал. Мя место сея остаил. А я

что, рыжий? На работу ходить, кода начальства нет. Я на рыбалку уехал, а шеф, зараза, раньше вернулся...

Мишаня замолчал. Из трубки раздавалось лишь его сопение.

— В общем, выгнали мя,.. — прекратил он сопеть. — Но эт не всё. Я хряпнул с горя. Домой пришёл. Думал, жена как человек поддержит. А она вещи собрала и к маме укатила. Вот сижу один: ни работы, ни жены.

Он опять засопел и тихо добавил.

— И друг не поожет. Горе у меня. Поимаишь?

Внезапно в трубке раздались короткие гудки.

— Отключили, — догадался Юрка. — Раньше надо было! Нужен я ему!

Он бросил телефон на диван, раскрыл ноутбук, нашёл фильм. Только просмотрел первые кадры, как засветился экран мобильного. Юрка поднёс трубку к уху.

— Слушаю.

— Юра, добрый день. Это Алла и Вадим, с работы. Хотим узнать, как ты? Что-то серьёзное? Долго болеть будешь?

— Месяца два пролежу. Перелом.

— Ой, как жалко! — воскликнули коллеги.

Юрка услышал в их голосах явное расстройство.

— Спасибо за сочувствие.

— Ну, как же. Ты же член коллектива. Ты нам так нужен!

В трубке замолчали.

— Ты, это?.. Скучно, небось? — робко спросил после паузы Вадим. — Делать нечего?

— Ну,.. — замялся Юрка.

— А можно, мы придём?

— Ну да! Не ожидал! — Юрка приподнялся на подушке и захлопнул ноутбук.

— А то нам послезавтра отчёт за полугодие сдать надо. С чертежами. С графиками. А это только ты делать можешь...

Татьяна Мажорина

*кандидат в члены СП России,
г. Волгодонск Ростовской области*

Чебурашка и Гена

Жил на свете замарашка:
Ни собачка, ни дворняжка,
Так, безделица пустая.
Все его, конечно, знают.
Ни семьи, ни положенья,
Ни друзей, ни уваженья,
Но тщеславен был без меры:
Мысли – только о карьере.
Долго берегом бродил он,
Приглянулся Крокодилу.
Гене жалко замарашку,
Взял на службу Чебурашку,
Проявил о нём заботу
И продвинул по работе.
Оказалось – парень хваткий,
В ухо пел довольно сладко:
«Вы навек мой благодетель,
Видит небо, я – свидетель».
Так взобрался на «вершину»,
Хоть и ростом – с пол-аршина.
Тут, конечно, позабыл он
О заботах Крокодила,
Оттолкнул слегка дружка,
Позже – вовсе дал пинка.
Брендом стал известным Сочи,
Гена ж – хвост свой в луже мочит...

Вот тебе и замарашка:
Вышел «в люди» Чебурашка.
Глазки пуговкой пустые,
А *погоны* – золотые!

Песец и Овцы

– Как бы рынок обустроить! –
Призадумался Песец:
– Может быть, дефолт подстроить,
Шкуры все содрать с Овец?
Сколько можно жить по плану?
Одолела нищета.
Из-за моря-океана
Подказали неспроста...
Думал сутки, думал двое,
Осенило, наконец:
– Потребительской корзиной
Успокою-ка Овец!
Начал фабрики, заводы
Методично разрушать.
Горстка всяческого сброда
Стала шерстью обрастать.
В магазинах – всё, что хочешь:
Ананасы, сыр, икра...
Только Овцам, между прочим, –
Хоть травиночку б с утра.
Супермаркетов, киосков –
Пруд пруди – не сосчитать!
Только Овцы наши – «с носом»,
Пригорюнились опять.
Вклады в банках все сгорели.
Утром встали – срамота!

За ночь их совсем раздели,
Даже шкура вся снята.

Из-за моря, в самом деле,
Подказали неспроста...

Отчётность и Пчёлки

Пчёлки день-деньской трудились,
Был нехитрым их учёт.
Не роптали, не сердились,
Но теперь – иной подсчёт.
Наверху расселся Трутень,
Он радеет за бюджет:
Сверхотчётность мутит-крутит
Так, что спасу просто нет!
Жизнь чтоб мёдом не казалась,
Развелось грассбухов – тьма!
Раздражение, усталость
Тихо сводят всех с ума.
Дебит, кредит, чёт и нечет...
Есть компьютеры давно,
Но... по-прежнему калечит
Чёрно-белое «кино»!
...Им слетать бы на цветочек,
Принести в лоток пыльцу,
А в глазах – рябит от строчек,
Пот струится по лицу.
Что в приходе? Что в остатке?
Маркировка где? Число?..
Пишут Пчёлки в ста тетрадках,
Лапки *судоргой* свело.

На нектар – сертификаты,
Бракераж* подать на мёд:
Едет Счётная палата, –
Чай не пряники везёт!
«Продублировать компьютер»! –
Сверху спущен был приказ.
Не послать его бы... к «муттер»
И на том окончить сказ?..

.....
Что же делать-то осталось?..
Крепко жмёт депрессия.
Первобытную отсталость
Нахожу в прогрессе я.

Кранты Ефимке

1

Пиротехник Ефим Зажигалкин
Вид имел неказистый и жалкий.
Он свой имидж в Перу
Подмочил на пиру:
«Зажигал» там с одной нелегалкой.

2

Восвояси вернулся Ефим:
Не способен теперь на экстрим.
Как-то сник и зачах, –
Блеск голодный в очах.
А какой донжуан был Ефим!..

* Журнал, в который заносятся все сведения о качестве сырья, готовой продукции, времени изготовления, сроках реализации и т.д.

Догулялся

Ночевал вчера у крали.
Утром встал – штаны украли!
И в обличии Адама
Я стою, как пень, а дама –
Хоть бы что (помыла раму...)
И в окно меня – ногой:
– Дорогой,
 меня не трогай!
Ты шуруй своей дорогой,
Хвост поджал – к жене нагой.
Всё! Налево – ни ногой!

* * *

Издаваться поэтически мне надо б, но
И сдаваться по этическим... не надобно.

* * *

Про пилигрима знали вы?
Пропили грим, а знали вы?

* * *

Рассказал дорогой про курорты.
Раз сказал: «Дорогой, прокурор ты».

* * *

В Камеруне ставят табу редко.
В камеру не ставят табуретку.

* * *

Ананас подают и грушки,
А на нас падают игрушки.

Явел Малов

член Союза писателей России,
г. Ростов-на-Дону

Поле разлуки

Рассказ

«Две страницы вечных – любовь и разлука...»

Булат Окуджава

К полудню из Можайска, из казённой винокурни, рабочим, занятым на очистке территории, подвезли обещанную водку. Тяжело гружённая аппетитными деревянными бочонками, скрипучая старая телега въехала в центр разбитого в конце нынешнего лета калёными ядрами, взорванного, сожжённого села Семёновского. Возница попридержал двух тощих, замороженных кляч. Квартальный поручик в тёплом зимнем, подбитом мехом плаще и два полицейских солдата в синих суконных мундирах, с ружьями, спрыгнули на землю. Поручик приказал солдатам распечатать первый бочонок, чтобы по традиции самолично снять пробу. Сразу же по селу, из улицы в улицу, из села — в поле, цепочкой покатилося взбадривающее: «Кончай работу, мужики, хмельник привезли!» А из поля, из-за оврага, где возле полуразрушенных земляных укреплений бродили кучками, с крюками и вилами, крестьяне — эхом вернулось в село: «Православные, шабаш! Их благородие вином потчуют. За помин убиенных...»

В скором времени заброшенные с конца лета сельские улицы суетливо закопошились, ожили. Отовсюду к центру спешили толпы работников — каждый со своей посудой. У телеги моментально образовалась шумная толчея, мало похожая на

очередь. Квартальный с полицейскими «причастились» первыми. Теперь пытались утихомирить взбаламученную стихию, орали на нерасторопных, солдаты замахивались прикладами. Поручик вызвал из толпы старосту и поручил ему вместе с возницей произвести раздачу казённой водки. Сам, стоя в сторонке и раскуривая трубку, приглядывал за порядком.

Подошли двое молодых бородачей: волоколамские, помещика Безобразова крестьяне Ефрем Суконкин и Авдей Холмогоров. Оба статные, широкоплечие, сильные. Ефрем в длинном оловом овчинном кожухе и валенках, за кушаком — тёплые собачьи рукавицы, Авдей в зипуне из домотканого коричневого сукна. У Ефрема борода светлая, слегка рыжеватая, у Авдея — тёмно-русая.

Степенно дождались очереди. Подставив под ковшик ви-ночерпия объёмистую глиняную махотку — на двоих, отошли с водочкой в сторонку. Поднялись на крыльцо закопченной, с проваленной соломенной крышей и кособокой трубой, избы, развернули прямо на полу, на обугленных досках, чистую тряпицу, выложили харч, взятый из дому. А запастись приходилось впрок — на всю неделю, пока длился каждый казённый наряд. Потом притомлённых работников сменяла следующая партия.

Неожиданно из заброшенной, покинутой хозяевами избы послышался слабый детский плач. Работники недоумённо переглянулись, оставив трапезу, двинулись, не сговариваясь, внутрь помещения. Там, на лавочке у печи, сидела баба лет пятидесяти в шубе и платке, качала завёрнутого в ватное цветное атласное одеяло ребёнка. Малыш явно был не её, судя по одеялу — барский.

— Ты чё здесь сидишь, мать? — поинтересовался Авдей, глядя нетрезвыми глазами на бабу у печки. Он хватил уже хмельного, был весел и речист.

— А где же мне сидеть прикажешь, ежели барыня меня со вчерашнего подрядила за ребятёнком её приглядеть, покель

они с прислужницей вдвоих свои дела в полях не управят, — ответила нянька.

— Ты кто? — прямо спросил Ефрем.

— Домной Веселовой кличут. Местная, помещицья, — охотно пустилась объяснять баба. — Повитуха я. Тут меня, до войны, почитай каждый в волости знавал. Нынче не то... Разорил окаянный Наполеон сёлы, весь народ в леса за Москву-реку подался. Что и оставалось посля лютой сшибки, что в августе месяце здесь гремела, басурмане на обратном пути пограбили. Злые больно шли из Москвы, голодные, холодные. Здесь, прямо на полях и заночевали, среди покойников не прибранных да конских туш. В селе-то видать высокое начальство квартировало. Никак — сам главный супостат.

— Студёно тут, — покачал головой в большом старом малахае Ефрем Суконкин. — Окна повыбиты вишь, и крыша просела. Солому кто-то видать скотине скормил. Не иначе они, хранцузы.

— Да на ночь мы с барыней растапливали печь. Ничего, до утра тепло было, — сказала крестьянка, продолжая баюкать беспокойного малыша. — А с зарёю, как ушли они со служанкой на поле, печка и прогорела, а дров нетути. Вы б, мужики, нарубили дровишек ради Христа. Не то мы здесь до вечера с мальцом совсем околеем.

Ефрем с Авдеем, пошарив в избе и сенях по углам, нашли топор, вышли во двор, стали валить сарай. Ефрем ловко орудовал топором, Авдей — багром, которым до обеда подтаскивал к общей куче покойников. Быстро нарубив дровишек, жарко растопили печь. Несмотря на проваленную крышу и выбитые окна, в избе стало теплее. Домна сообразила, принесла из соседних нежилых домов несколько подушек и тёплых одеял. Подушками позатыкала окна, одеяла набросала сверху на печь, расстелила, уложила туда барского ребёнка. Тот сразу перестал капризничать и притих.

Крестьяне занесли в помещение с крыльца свой харч, предложили Домне отведать их хлеб-соли. Веселову долго упрашивать не пришлось, с утра проголодалась.

— И чего же тут барыня твоя промышляет? — допивая «оржаное вино», полюбопытствовал светлородый Ефрем Суконкин. — Не иначе, клад гдей-то до прихода хранцузов зарыла, а ныне кинулась — и давай искать.

Кареглазый, с тёмно-русой, смахивающей по форме на лопату, бородой Авдей Холмогоров при его словах с улыбкой крикнул, покрутил головой.

— Ну уж придумки у тебя, Ефрем! Клад...

— Не похоже на то, — возразила мужику повитуха. — Барынька молодая, по лицу видать — добрая. Маргаритой Тучковой представилась. Сама хоть и не приглядной наружности, но высокая, стройная. Говорит, что жена генерала.

Авдей тоже выпил «вина», громко крикнув от удовольствия, утёрся рукавом коричневого зипуна. Сказал рассудительно:

— Я так смекаю, ищет кого-то на полях барыня, во! Мужа свово, либо брата, либо папашу.

— Одно из двух, — поддакнул, сразу согласился с ним Ефрем Суконкин. — А могёт быть, что и — сына.

— Да куды... Сынишка вона — на печи посапывает, пузыри ртом пускает, — возразила Домна, не забывая между делом кидать в рот со стола, что попадёт под руку.

Поев, мужики попрощались с Веселовой, пообещали как-нибудь ещё заглянуть, собрали свои торбы и вышли во двор. По улице проходил, оскальзываясь на неровной мёрзлой колее и чертыхаясь, десятник Мефодий Кулаков. Приметил их. Серdito крикнул, махнув рукой за околицу:

— Долго харчитесь, православные. Живо за работу. За что вам только деньги царь-батюшка платит, лодырям. Всё бы поспать лишний час.

— Да по такой холодрыге рази ж подремлешь, Мефодий

Будимирович, — виновато пожал плечами Авдей Холмогоров.
— Идём, идём на службу государеву, не блажи почём зря.

— То-то я гляжу — дым из трубы валит!

— Так то для бабы с дитём барским мы разожгли. Пушай греются.

Вскоре крестьяне были на поле бывшего великого сражения, где в конце августа решалась судьба России. Здесь всё ещё лежали тела павших тогда, два с лишним месяца назад, воинов. Никто их за это время не хоронил, не воздал посмертные почести — некому было. Русская армия в спешке, на следующий день после боёв, отступила к Москве, французская — пошла следом, чтобы в повторной битве у стен бывшей столицы вырвать, наконец, желанную победу у генерала Кутузова. Наполеон даже распорядился бросить на Бородино всех тяжелораненых, которые стонали под огромными завалами трупов и тщетно молили о помощи.

Два с лишним месяца здесь хозяйничали мародёры, птицы, дикое зверьё и хлёткие осенние ливни. Два с лишним месяца разлагались трупы десятков тысяч людей и лошадей, и по теплу над полем стоял такой невыносимо-удушливый смрад, что крестьяне, которые оставались ещё в окрестных, разбитых, разорённых войной деревнях, не выдерживали и с семьями уходили за Можайск, в Волоколамский уезд и дальше.

Здесь лежали все вместе, вповалку, кого, где настигли ядро, штык или пуля: русские и французы, генералы и простые солдаты, герои и трусы. Всё это невообразимое месиво дополняли обломки оружия и обрывки амуниции, объединенные волками и бродячими одичалыми собаками конские туши, колёса и остовы поломанных провиантских и санитарных фур, зарядных ящиков, разбитые лафеты орудий, искорёженные медные стволы, ядра, барабаны, втоптаные в стылую, заледелую грязь знамёна и множество другого, ненужного уже никому, гнилого военного хлама.

Крестьяне, занятые на уборке территории от трупов людей и «конских падалей», останавливали телеги возле наваленных, бесформенных человеческих куч в местах наиболее яростных схваток, цепляли стальными клювами длинных багров тела погибших, не разбираясь, русский это или француз, рядовой или офицер, оттаскивали в сторону. Другие сваливали почернелые, распадающиеся останки на носилки, несли к телеге. Части тел, лохмотья формы, изломанное оружие, солдатские ранцы и прочее подбирали деревянными вилами. Наполненную горой трупов телегу отправляли к месту захоронения. Поначалу погребальные могильники для сжигания останков рыли прямо здесь, на бранном поле, чтоб далеко не возить тела, но прикатил в крытой городской коляске местный помещик, раскормленный как боров, толстощёкий барин в цилиндре и дорогой бобриковой шубе, с двумя послушными холопами на лошадях. Накричал на кварталного, замахнулся тростью на старосту, велел копать подальше от пахотных угодий, на опушке леса.

Всех хоронили в одной яме: русских, французов, немцев, итальянцев, швейцарцев, поляков, голландцев. Дно большой квадратной ямы устилали слоем дров, сверху клали трупы, сжигали. Потом снова — слоями: дрова, трупы — огонь. И так, пока могильник не наполнялся доверху. Последний ряд тел не сжигали, засыпали землёй так. Для удобрения почвы. Тот же местный барин настоял, рассчитывая получить с этих засеянных смертью полей богатый урожай хлеба и потуже набить кошну.

Туши убитых в сражении коней закапывали в оврагах, в специальных, густо пересыпанных известью и залитых карболкой — от заразы, скотомогильниках...

Помимо многочисленных крестьянских артелей, бродила по полю за Семёновским оврагом и барыня, о которой рассказывала повитуха Домна Веселова. Мужики Ефрем с Авдеем сразу заметили её высокую, действительно стройную фигуру. Одетая барыня была в соболий салоп, широкий и длинный, с про-

резами для рук, на голове — тёмный меховой капор с чёрными траурными лентами. Рядом с ней была женщина, ниже ростом, одета тепло, по-зимнему, во всё чёрное. Служанка.

Барыня, казалось, вовсе не замечала никого вокруг, занятая своими мыслями. Это была Маргарита Тучкова, урождённая Нарышкина, мать которой, Варвара Алексеевна, была из старинного княжеского рода Волконских. Маргарита расхаживала среди всего этого ужаса, торжества смерти, разложения, безумия войны, — искала тело своего супруга. Она примерно знала место гибели Александра, его сослуживец и друг генерал Коновницын писал, что Александр погиб в районе Семёновского редута, во время очередной атаки французов на Багратионовы флеши. Весь ров внизу был завален застывшими в невообразимых позах телами. Маргарита, оглядев поле, заметила вдали Ефрема и Авдея, решительно направилась к ним, обходя конские туши и тела павших там, где это было возможно. Где нет — ступала прямо по ним.

— Хотите заработать на водку, братцы? — печально взглянула она в глаза крестьян.

— Что нужно, барыня, говори? — отозвался Авдей Холмогоров.

— Муж мой где-то здесь лежит, генерал Тучков, — заговорила молодая женщина. — Сама я не справлюсь. Посмотрите там, в яме. Нет ли? Я вам хорошо заплачу.

— Да мы и сами с понятием, госпожа, — охотно откликнулся услужливый Ефрем Суконкин. — Нам не в тягость, что ж, можно и поглядеть. Всё одно ров надо чистить. Ты сама-то как... Не побрезгуешь? Там ведь, в куче-мале этой, — страсть господняя. Мертвяки, червями изъеденные...

— Я уже привыкшая. Насмотрелась, — коротко сказала Тучкова. — Вы давайте, начинайте. Вытаскивать надобно по одному и мне показывать. Лицом вверх.

— Да какое лицо, барыня, — сплюнул с досады темнобо-

родый Авдей. — Одна чернота сгнившая, птицей да зверьём попорченная. Тут, думаю, и отца родного не признал бы, ежели б, не дай Бог, лежал.

— Ничего, вы делайте, что сказано. Я своего Александра всегда узнаю, — сухо произнесла Маргарита.

Её служанка, вернее гувернантка годовалого Коко, французенка Бернадет Аршамбо, не отставая, послушно скользила за генеральшей. Тоже всматривалась в лица погибших воинов, в основном французов. Их она определяла по остаткам синих наполеоновских мундиров. Любопытство её не было праздным: где-то здесь, на полях, сражался летом и её старший брат, капитан французской армии Грегуар. Бернадет не знала точно, жив он или погиб, а если погиб, то — где именно... Просто, вместе с госпожой, — искала, моля мысленно Бога, чтобы — не найти. Чтобы любимый брат остался цел, и вернулся живым во Францию.

Мужики Ефрем с Авдеем, поплевав в ладони, дружно принялись за дело, которое за последнее время стало уже привычным. Подойдя к заваленной трупами яме, которая была некогда ровом перед высоким валом, где грохотали русские батареи, — острыми крюками цепляли мёртвых воинов за рёбра или остатки амуниции, тащили наверх. Здесь тела переворачивали на спину, подзывали Маргариту.

— Нет, не он, это простой солдат, — как будто в полубезумии, без всякого выражения, монотонно говорила женщина и подходила к следующему. — Тоже не Александр, эполеты не генеральские... А это француз, не то, братцы. Поднимайте ещё.

К французу с опаской приблизилась гувернантка, с гримасой ужаса и отвращения на миловидном личике, всматривалась в страшный, оскаленный череп трупа. Француз некогда тоже был, вероятно, молодым и красивым. Никогда не увидать ему больше далёкой тёплой Франции, а матери и отцу — не

дождаться сына из заснеженной, не приветливой к незванным гостям России.

Пока мужики вытаскивали тела погибших из рва, Маргарита сама продолжала поиски. Примечая офицеров, наклонялась над ними, разглядывала ужасные, изуродованные лица. Если надо, — переворачивала покойника на спину и смотрела, смотрела, смотрела... В голове не было ничего кроме горького, привычного: «Не он! Не он! Не он!»...

Присев на очередной перекур, крестьяне многозначительно переглянулись. Авдей задумчиво произнёс:

— А ведь тут, на полях под Семёновским многие тыщи православных лежат, — небось, сотни господ офицеров упокоились, и никто со всей Руси не приехал их искать, только она одна, барыня Тучкова.

Ефрем ничего не сказал, только уважительно глянул на Маргариту, — она, как чёрная тень, продолжала расхаживать по страшному мёртвому полю...

Вечером нянька Домна Веселова ещё во дворе встретила Тучкову истошным жалобным криком и бабьими причитаниями:

— Не сберегла, прости за ради Христа, барыня! Не доглядела...

— Что с Коко? — вмиг побледнев, как саван, вскрикнула в ужасе Маргарита. Стрелой метнулась было в избу.

— Да нет, что ты, госпожа, с мальцом всё в порядке — спит на печи, — успокоила её повитуха. — А вот поклажа... Пока я по воду на речку бегала, — лихие люди в дом с улицы пробрались, стащили ваш дорожный ридикюль с прочими вещами, что в сумке были... Ох, горе мне! Сплоховала.

— Боже милостивый, там все мои деньги! — помертвела лицом Тучкова. Виновато взглянула на крестьян-работников, что мялись, переступая с ноги на ногу, посреди двора.

Те, пряча глаза, забеспокоились. Ефрем, стащил с головы

малахай. Комкая его в разлапистой, большой пятерне, понимающе развёл руками.

— Что ж, барыня, на нет, говорят, — и суда нет. Ничего, дело такое... Мы не в обиде.

Мужики хотели уже поворачивать назад.

— Стойте! — решительно сказала Маргарита, быстро подошла к растерянному Ефрему, сняла с пальца дорогое бриллиантовое кольцо, сунула в его заскорузлую руку.

— Возьми, пожалуйста. Я обещала... Так не можно. Это вам от меня — на помин души Александра.

— Что ты, барыня? Упаси Бог, не надо, — испугался Ефрем, разглядывая на ладони не виданное ранее огромное богатство. Бриллианты переливались при свете уходящего дня всеми цветами радуги.

— Бери, бери, братец. От чистого сердца даю, — зажала ему ладонь своей мягкой белой рукой Маргарита Тучкова.

На шум подошёл квартальный поручик, который случился поблизости. Деликатно кашлянув в кулак, спросил:

— Извиняюсь, госпожа... не ведаю как по имени-отчеству?

— Маргарита Михайловна. А вы кто будете? — равнодушно глянула на человека в синем меховом форменном плаще женщина.

— Помощник надзирателя, квартальный поручик Володар Осипов, — представился он. — Слышал, у вас покража личных вещей произведена? Необходимо составить опись и приложить к основному документу, ежели делу ход желаете дать.

— Не буду я ничего писать, — отрицательно качнула головой Маргарита.

— Воля ваша. Да и то сказать — мало вероятности, что удалось бы отыскать грабителей, — признался полицейский Осипов. — Расшалился народишко за войну, в лесах в округе и тати с большой дороги прячутся, и дезертиры из рекрут, и каторжане беглые. Слых есть, — даже французы, что от Напо-

леона отбились, малыми партиями промышляют. За целковый жизни решат, не пожалеют. Дела... Вона, на прошлой неделе барина лихие людишки на Новой Смоленской дороге, не доезжая Бородина, в овраге ухандокали. Генерала Грязнова, то ли Грязново, помещика.

Маргарите показалось, что она ослышалась. Сразу вспомнился давний сон, что привиделся ещё задолго до гибели Александра. Тогда во сне прозвучали странные слова, как бы голос свыше: «Твоя участь решится в Бородине»...

— Где это, Бородино? — сильно побледнев, спросила она у квартального.

— А это, Маргарита Михайловна, ежели по прямой — версты две с половиной отсюда, — поспешил с объяснением Осипов. — Там на сражении правый фланг наших войск находился. Разбито оно напрочь, село. Как и Семёновское.

Маргарита невидящими глазами посмотрела на него, медленно пошла со двора.

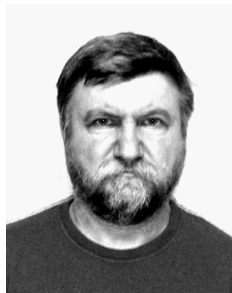
— Куда вы, мадам Тучкова? — поспешила за ней гувернантка.

— На поле разлуки, Бернадет, где решила моя участь.

Квартальный поручик Осипов смотрел ей вслед, удивлённо округлив глаза и что-то усиленно соображая, но так ничего и не понял...

Маргарита Тучкова тогда ещё не знала, что через шесть лет снова вернётся на Бородино. Она продаст свои бриллианты и при содействии императрицы Марии Фёдоровны в 1818 году начнёт строить здесь храм Спаса Нерукотворного. Тело мужа она так и не найдёт.

Декабрь 2013 г.

Владимир Морж

кандидат в члены СП России,

г. Ростов-на-Дону

Кнопка в учебном плане

Рассказ

Тетрадки — в переполненной сумке, журнал — под мышкой, указка — в правой руке, плечом — дверь. Вошла. Бочком, естественно.

Класс как класс. На окнах — шторы, сквозь которые квадратами пробивалось осеннее солнце, на подоконниках — цветы в горшках. Герань. На стене — портреты русских классиков.

Шумно встали. Кроме одного.

Волнения не было. Окинула 4 «А» строгим взглядом. Отметила еле скрываемое любопытство и прошла к учительскому столу. Поставила на него тяжёлую сумку, а рядом положила классный журнал и указку. Посмотрела на стул. Каждое движение должно быть выверено, как у фокусника. Кнопки не было, а должна быть! — Здравствуйте, ребята!

— Здрав-ствуй-те! — нда, как и все, ничего нового. — Меня зовут Марья Ивановна. Я буду замещать Марью Ивановну. Она поехала на курсы повышения квалификации... А почему не все приветствуют преподавателя? — строго взглянула на сидящего ученика.

— А штарая Марья Ивановна мне рашрешила не вштавать, — ответил ученик.

— Ты что, не успел прожевать? Говори чётко и внятно!

— Да у него зубы болят! — заступилась школьница с белобантовой косичкой. Марья Ивановна вспомнила, как её зовут: Таня Мякота, староста.

— И поэтому ему разрешили не вставать, когда учитель стоит?

Толстяк начал, кряхтя, подниматься, опираясь обеими руками о парту. Покраснел от натуги.

— Нет, — ответила та же ученица, — у Саши Головки ножка болит, он с палочкой даже ходит!

Только тут Марья Ивановна заметила тросточку, висящую на стуле. Учительнице стало неловко:

— Тогда и я разрешаю. Садитесь, ребята!

Класс шумно уселся и притих. А толстый ученик с тросточкой и большими зубами всё ещё садился, неловко отставляя в сторону ногу. И, наконец, пристроился за партой.

Марья Ивановна прошла между рядами, убедилась, что на каждой парте стояли полные чернильницы, лежали ручки со вставленными перьями и перьевычистки. Вернулась на своё место. Опять посмотрела на стул. Кнопки не было. Явно не тот Вовочка, не тот! Не успевает за событиями! Улыбнулась и уселась.

И тут же подскочила с воплем «Ой-ёй-ёй!». Провела сзади рукой и показала всем кнопку, якобы снятую с платья. Причём, это у неё получилось, как и планировалось, так естественно, что класс поверил, и замер.

В окно билась муха.

— Кто это сделал? — сделав вид, что возмущена, сказала Марья Ивановна. — Признавайтесь, а то весь класс будет наказан! — учительница ещё раз показала всем кнопку и скривилась от боли.

Это немедленно вызвало возгласы возмущения:

— Это не мы! Мы не такие! Мы так не делаем! — загалдели ученики. Встала давешняя заступница, тряхнула чёлкой:

— Марья Ивановна! Мы такого не делали! А если сделали... — она обвела класс глазами, — то пусть этот негодяй не струсит, а встанет и признается! Лучше в угол одного, чем пятно на репутацию класса! — Таня села за парту, громко хлопнув крышкой.

Поднялась ещё одна стройная ученица, перекинула ярко-рыжую косу на спину (судя по всему — звеньевая Женя Лазорева):

— Ребята, это подло, в конце концов! Мы здесь не просто отдыхаем! Мы обязаны помогать нашим педагогам... — замялась, сообразила, что говорит что-то не то и не так. Вспыхнула, потупила взгляд. — Марья Ивановна, простите! Мы больше не будем! — чуть подняла хитрые глаза на учительницу и тут же опустила.

Муха продолжала биться в окно. Марья Ивановна прошла вдоль доски влево, вправо, остановилась. И осторожно уселась, подвинув к себе журнал. Сумка с торчащими из неё тетрадями явно мешала, но учительница предпочла пристроиться с краю стола. Даже стул поставила так, чтоб сесть ближе к углу.

Посмотрела в притихший, ничего не понимающий класс. Блестели стёкла очков. На глаза попала лёгкая трость Саши Головки. Почему он её не прячет?

Марья Ивановна молчала. Никто и не смог бы проявить «смелость», потому что кнопка была выдумана. «Да, получилось неприятно... Что же делать?» Руку потянул вихрастый за лопоухими ушами ученик с отгрызённым концом пионерского галстука. Ага, это он, Вовочка Харсеев. Тот самый, который должен был хулиганить.

— Слушаю тебя...

— Марья Ивановна! — Вовочка снял очки с конопатого носа. — А если кнопка попала на стул случайно? Упала со стола. На столе ведь могли быть кнопки? — он вертел очки в мозолистых пальцах.

Учительница сделала паузу, как бы обдумывая его слова. В принципе, это было выходом:

— А что, ребята? На столе действительно лежала кнопка. И когда я клала журнал на стол, я могла её случайно смахнуть, а она вполне могла упасть на стул. А я и не заметила...

Марья Ивановна поймала недоверчивый взгляд Тани и тут же отвела глаза: — И закончим на этом! Кто дежурный сегодня?

Со второй парты встал долговязый худой ученик, блеснул бритой наголо головой:

— Я, Коля Лезнов!

— Что-то сегодня маловато ребят. Кто отсутствует? — учительница чуть было не открыла журнал, но успела остановить движение руки и даже её отдёрула, как будто обожглась.

Коля шмыгнул носом и прошамкал:

— Нету Веры Таныгиной, Тани Арзамасцевой... — и назвал ещё пару фамилий.

— И тебе не известно, Коля, что с ними? Эпидемия какая-то!

— Погода меняется, резкие скачки давления... Звонил Гриша Самсонов, он не смог найти портфель, поэтому опоздает. А Олю Глумову вызвал завуч!

— Вот новости! Она что-то натворила?

— Ага! Высмаркивалась в шторы...

Класс замер.

— Какая невоспитанность! Придётся идти её выручать. — Марья Ивановна немножко помедлила, но потом продолжила: — Я проверила контрольные работы, которые мне передала ста... прежняя Марья Ивановна, и выставила оценки в журнал. Тетради раздам, когда вернусь с Олей. Надо её «спасать»! — класс заулыбался. — Коля, ты, как дежурный, следи за порядком. — Марья Ивановна вышла. За ней вылетела и муха.

За дверью остановилась и прислушалась. Пока тихо. Сделала несколько громких шагов в сторону учительской, а потом на цыпочках подкралась к двери и посмотрела в замочную скважину. Ничего там не увидела, как ни пыталась: мешало солнце, бившее в окно.

И тут сзади раздалось лёгкое шуршание. Марья Ивановна резко, не разогнувшись, обернулась и увидела ученицу с порт-

фелем, полотняной сумкой для сменной обуви и мешочком с чернильницей. А шуршал её накрахмаленный белый фартук, надетый на коричневое платье, прикрывавшее колени. Косички торчали рожками на затылке — так туго они были заплетены синенькими легкомысленными капроновыми бантиками в горошек.

От резкого движения Марья Ивановна поскользнулась и чуть было не упала. Ученица успела подхватить её за руку и помогла устоять.

— Ой, вы чуть не упали, милая!.. — произнесла сгоряча ученица, а потом замялась и покраснела.

— Спасибо, что поддержала! — произнесла учительница.
— Ты не Оля Глумова?

— Ага, — ответила ученица.

— А почему ты не у завуча? — Марья Ивановна была немного задета словом «милая», а так же озадачена: неужели завуч отпустила ученицу так скоро? А ведь договаривались...

— Я извинилась и пообещала постирать все шторы в классе... У нас дома прекрасная стиральная машинка. Фаина Григорьевна меня извинила.

— Ах, вот как! А я за тобой шла к завучу, хотела выгораживать. А ты сама нашла выход! Молодец! — И вдруг вспомнила, в какой неприглядной позе застала её ученица. Плохо! — Ну, пойдём в класс!

И тут из-за двери раздался громкий хлопок.

— Ага! — сказала Марья Ивановна. — Кто-то очень любопытный... — и осеклась, взглянув в сторону Оли. Но та только часто-часто моргала. — Не волнуйся. Сейчас узнаем, что там произошло!

Марья Ивановна резко открыла дверь и вошла. Муха влетела следом и тут же метнулась к потолку.

От стола в сторону открытой фрамуги тянулось облачко дыма. Возле стола стоял, конечно, испуганный Вовочка. При-

жавшись к доске, открыв рот, стоял дежурный Коля. Валялся учительский стул, сумка и рассыпанные по полу тетради. Ученики все встали и с любопытством смотрели на эту сцену. А тут ещё и учительница чуть ли не ворвалась! Марья Ивановна, глядя на застывшие странные позы учеников, вспомнила детскую игру: «Смешные фигуры, замри!».

— Что тут случилось? — пришлось грозно произнести педагогу. — Ну ни на минуту нельзя вас оставить одних! Вовочка! Зачем ты взорвал журнал?

— А я хотел посмотреть... — тёр кулаками глаза хулиган.

— Я его предупреждал! — крикнул Коля и закашлялся. Потом с трудом стал на коленки и начал собирать тетради, засовывая их в сумку.

Опять вскочила Таня, подбежала на помощь Коле:

— Марья Ивановна! Он просто открыл журнал, а он как хлопнет! А сумка как упадёт!

— Ну, не знаю. То у вас кнопки сами по себе на стульях появляются, то журнал взрывается... Вовочка, ты хотел испортить журнал, чтоб никто не узнал, как ты написал контрольную?

— Я не знал, как написал...

— Открыл, увидел и бросил хлопушку?

— Я ничего не увидел! — проказник тёр глаза, шмыгал мясистым носом в красных прожилках, по одутловатым щекам прочертила дорожку слеза обиды.

— Пойди в туалет и умойся! — приказала учительница. — Коля, отведи его, а то ещё шишку по пути набьёт! — дети заулыбались.

Дежурный поставил сумку на стол и подтолкнул Вовочку к двери. Но тут в щель приоткрытой двери всунулась голова Оли Глумовой с косичками-рожками. Конечно, Вовочка, летевший к двери, наскочил на школьницу и чуть ли не повис на ней. Испуганная Оля билась в объятиях, а хулиган старался удержаться

и не отпускал. Хорошо ещё, что подскочили Коля и Таня и поддерживали парочку.

Класс захохотал. Вова, наконец, отпустил Олю, которая сразу же начала приводить себя в порядок. Мальчишки улизнули за дверь, резонно опасаясь нервной реакции Оли.

— Успокойтесь! — с опозданием потребовала Марья Ивановна. — Всё, хватит! Оля, Таня, пройдите на свои места! — Потом положила тетради на стол, а сама сдула с открытых страниц журнала пепел хлопушки. Покачала головой, взяла влажную тряпку с доски и вытерла ею стол. Подняла стул. Ученики уселись.

Но староста, Таня Мякота осталась стоять. Она пристально смотрела на учительницу. Потом произнесла:

— Всё неправильно!

— Что неправильно? — поинтересовалась Марья Ивановна.

— А всё! И вы ведёте себя неправильно!

Учительница покраснела и произнесла:

— Ты не имеешь права так говорить!

— Имею. Я не хотела это произносить вслух. Да и контракт запрещает. Но я запла...

— Стоп! Прежде всего, согласно контракту, учебный план, сценарий проведения мероприятий и поведения на уроке разрабатывает исполнитель. И всё, что я делаю, учитывает пожелания заказ... то есть учащихся. Например, в приложении номер два контракта с Владимиром Петровичем Харсеевым пожеланием номер семь стоит кнопка на стуле... Причём, эту кнопку он должен был подложить сам!

— Да, но было и моё пожелание, не помню номер, чтоб никаких кнопок не было! Потому что это — анекдот с бородой, который всем надоел! И именно про Вовочку!

— Вы не правы, нашёлся заказчик, которому акт с кнопкой был интересен. Поэтому я имею право использовать его мечту!

— А как же быть с моей мечтой?

— Ваше пожелание вполне исполнила прежняя Марья Ивановна. Она ни разу не села на кнопку!

— Это демагогия!

Класс загалдел. Встала Женя:

— Таня, ну как ты не поймёшь, что наши пожелания могут быть противоположными!

Таня насупилась, подумала и сказала с обидой в голосе:

— Так не честно! Получается, что школа не может выполнить контракт!

— Наоборот! — заявила Марья Ивановна, — школа удовлетворит любое ваше желание! У нас был вариант перевода Мякоты в 4 «Б», но...

— Я туда не хочу! Там Сергей Четверня! А я его не люблю!

— А, кроме того, там сегодня девчонок дёргают за косы. А это тоже запрещено контрактом с вами. Поэтому было выбрано меньшее из двух зол! Тем более, что «кнопка» была сформулирована чётко.

— Подождите! Но ведь Вовочка не мог подложить кнопку!

— Почему это?

— Потому что я бы увидела. Я вошла с ним, уселась за парту, и он не вставал со своего места до вашего прихода!

— Ты права. И в данном случае кнопку пришлось подложить мне самой!

Класс опешил.

— И журнал вы заминировали?

— Конечно. Тот же Владимир Петрович пожелал, чтоб его любопытство всё время наказывалось, причём разными способами.

— А ещё я видела, как Марья Ивановна подглядывала... В замочную скважину... — сказала Оля.

— Как всё наиграно у вас, Марья Ивановна, — недовольно сказала Женя.

— Подождите, ребята! — сказала невысокая девочка. Марья Ивановна вспомнила, что её зовут Маша Луговая. — Мы ведь знали, что нас тут ждёт... И совсем не обязательно, чтоб все роли игрались гениально! Вот ты, Таня, свою роль вообще сорвала! Что ты тут начала за разборки? Это можно делать только после уроков!

— Маша права, — сказала Женя. — Мы с вами сорвали урок! И нахамили учительнице!

— А это было моим желанием... — задумчиво сказал Саша Харсеев — однофамилец Вовочки, тербя седые усы.

Марья Ивановна спрятала недовольное деловое лицо и надела маску строгой возмущённой учительницы. Посмотрела на «ребят»:

— Ну что, начнём, наконец, урок? Сегодня у нас стихи Некрасова. Отвечать идёт... — учительница перебирала в журнале фамилии, но смотрела краем глаза на «лес рук». — Маша Луговая! — конечно стон неудовольствия: многие хотели бы отвечать!

Муха уселась на нужный портрет.

И Маша прочла:

*Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая; прыгнули гурьбой...*

Конечно, на слове «луговая» всем стало весело, даже муха перестала бегать по портрету и *прижукла*.

Маша после запинки продолжила. Но и на этом всё не закончилось. После слов «прыгнули гурьбой» в открывшуюся дверь, прихрамывая, вломились мокрые с головы до ног Вовочка и Коля.

— Что такое?! — испугалась Марья Ивановна.

— Это всё он! — прошамкал Коля, тыча пальцем в спину хулигана.

— А я стихи вспомнил про речку... — оправдался Вовочка.
Класс грохнул от смеха.

«План выполнен на все сто! — подумала Марья Ивановна, — сегодня повеселились, рассердились, поволновались...»

А в дверь вошла завуч собственной персоной.

— Марья Ивановна! Этих школьников я задержала в туалете. Думала, всего лишь курят, а они брызгались! Это возмутительно! Там настоящий потоп! — сказала Фаина Григорьевна, — Замечание в дневники и срочно домой! Не хватало им простуды кроме камней в почках и болей в суставах. Были бы моими детьми, отшлёпала бы!

— Да мы уже высохли, Фаина Григорьевна! — Вовочка провёл рукой по седой щетине, капли воды брызнули во все стороны, учительницы взвизгнули и попятнулись от этого дождика, пытаясь закрыть руками. Даже мухе досталось.

— Живо мерить давление! Явно подскочило!

И пенсионеры понуро пошли к последней парте, где стоял тонометр. Класс их провожал смехом. А Татьяна Михайловна Мякота сказала, глядя им вслед:

— Все там будем!

Апрель 2015 г.

Елена Морозова

*член ЛитСтудии при РРО СП России,
г. Волгодонск Ростовской области*

Мелодия сна

Дверь захлопнулась. Мир перевернутых снов
Растворяет меня, изменяя реальность.
И ломаются грани у старых основ –
Кривизна измерений теряет банальность.

Мысли брызгами нот разлетаются в ночь,
Увязают росой в паутине суждений,
А потом, осыпаясь стихами, точь-в-точь
Повторят мне мелодию тех сновидений.

2013 г.

Симфония лета

По листьям, по листьям звучит, нарастая,
Симфония лета, а капли – как стая –
Проскачут игриво по крыше, по крыше.
Сорвутся с неё – станет музыка тише.

По лужам, по лужам идёт, утихая
Июньский певец из апреля и мая.
Аккорды мелодии дальше и дальше –
И в музыке этой ни капельки фальши.

2013 г.

Когда...

Когда тихонько тикают часы,
Когда в окно настукивает дождик
И муркины щечкочутся усы –
Я чувствую, во мне поёт художник.

Когда на чай зову подружку-ночь,
Когда мурлычет мерно холодильник,
И сладко спит, посапывая, дочь –
Жду – песня зазвучит... Ан нет, будильник.

2014 г.

Зима

Зима укрывает устало
Седую земли наготу.
А снега, как совести, мало –
Заполнить в душе пустоту.

Подёрнет метелью морщины
И старые шрамы земли.
Но солнце коварно. В лощины
Надежды, как слёзы, стекли.

Не может природа согреться –
Срывают наряды её.
И стонет, как рваное сердце,
Под свисты свинца и враньё.

2015 г.

Звездопад над Донбассом

Закрой глаза. Прислушайся. Сверчки.
Они поют ночную серенаду.
От наслажденья ширятся зрачки,
И ночь несёт приятную прохладу.

Смотри. По небу катится звезда.
Подставь ладони – вымолви желанье.
Гляди ещё, ещё, ещё одна.
От восхищенья замерло дыханье.

Но небо хмурит брови. Грянул гром.
Посыпал град, расплавленно-горячий, –
И место, называемое «Дом»,
Низверглось в ад, захлёбываясь плачем.

Прошу тебя: открой свои глаза.
Прошу тебя: взгляни на это небо.
И пусть кругом беснуется гроза –
Но ты молчишь, уйдя в чужую небыль.

2014 г.

Александр Прохода
член ЛитСтудии при РРО СП России,
председатель ТО
«Союз литераторов Дона»,
г. Новочеркасск Ростовской области

Осенняя листва

Обворожительной жар-птицей
В полураздетом ноябре
Играла осень во дворе
Листовою – рыжею лисицей.

Листва, вручая дань погоде,
Окна окрасила отлив
Глубоко краской зрелой нив
Погожим дням, красе в угоду.

Укутав розовую шалью,
Ветшающую стать крыльца
Она, как «двое из ларца»...
Покрыла дом цветной эмалью.

И в шорохе листвы романса
Дом стал в искусных изразцах,
Чего не встретишь во дворцах
В эпоху славы Ренессанса.

Приглашаю любовь...

Я стараюсь привлечь
К себе взгляды случайных прохожих

И от радости встреч
Быть немного на всех вас похожим.

Приглашаю любовь
В своё сердце в объятиях с кровью,
Чтоб она меня вновь
Удивила волшебною новью.

Чтоб затмила она
Озорные рассветные зори
И сравниться могла
С широтою бескрайних просторов.

Плачет конь

Грациозным особым аллюром
На станичный казацкий плац
Вышел конь с золотой шевелюрой,
С ржаньем точно прощальный плач.

Плачет конь о раздольном приволье,
Будто он потерял мечту.
Плачет конь о разгульном Задонье,
О степях, где ковыль в цвету.

Там ромашки целуются вдоволь
С ветром тёплым, бегущим вдаль,
Одинокий над речкою тополь
Часто к водам зеркальным звал.

А теперь на краю у погоста
Вдоль брусчатки кривых дорог
Чередою тоскливою льётся
Лошадиный печальный рок.

Суетливое жизни течение,
И карьерных свершений след, –

Бросить всё. Даже прошлых свиданий
Скороштопаные лоскутки.
Между тем и этим, недавним, –
Лишь исписанные листки.

Пробуждение манит заботами,
Иль не манит уже ничем.
Бросить всё. Запечатать сотами.
Укатить на недельку, на день,

В край, где яблони стонут под спудом,
Где на коврике вышит олень,
В огороде, где тихим утром
Над малиной летает шмель,

В палисаднике спелая вишня,
И качели, что дед мастерил,
И со скатерти мелом не вывести
Ученических синих чернил...

Где-то там от кленового сока
Золотится забор янтарём...
Слышишь, детство, мне так одиноко,
В неуёмном взросленье своём!

Сумерки

А у цветов вишнёвый запах...
От окон тянет холодком.

Ступает ночь на мягких лапах
Неспешно, будто босиком.

Темнеют дальние деревья.
Фонарь чуть светит. Полутьма.
И, заштрихованные тенью,
Дремотно щурятся дома.

Осенний сумрак. Чёрный бархат.
Осколки света от машин...
Настала ночь в озябших парках.
А на окне – цветов кувшин.

И, зачарованный разливом
Чернильных крыльев тишины,
Туманный кот неторопливо
В мои заглядывает сны.

Мама-осень

Вечер писан синей акварелью.
В полутьме коралловых осин
Преклонил усталые колени
Царственный октябрь-исполин.
На дорожки-тропки он набросил
Листьев златотканые ковры.
– Посиди со мною, мама-осень,
До чернильных сумерек поры.
Погрусти у старого причала,
Медленно листом в воде кружа.
Осень – нашей зрелости начало.
Осень – материнская душа.

Пусть в твоей вечерней доброй сказке
Улетели краски летних дней.
Только знаю: нет тебя прекрасней,
Нет тебя печальней и родней.
Облачаясь в ситцевое платье
Слюдяных пронзительных небес –
Затмеваешь роскошью и статью
Мартовских надушенных принцесс.
А октябрь мучает желаньем
Опереться на твоё плечо.
Не тянись за снежным одеяньем,
Посидеть с тобой позволь ещё!

Помню запах степи у Дона

Помню сумрак усталого Дона,
И скользкой байдарки гребки.
Плеск волны у речного затона,
И как стайками ходят мальки...

Пропускаю сквозь пальцы прохладу.
Смолкло всё. Берегов не видать.
Розовеет небесной отрадой
Успокоено-тихая гладь.

Помню цаплю, что медленно-нежно
Поднялась, распрямила крыла,
И над лодкой пугливо-небрежно
По заре поплыла, поплыла...

Помню трав будоражащий запах,
Надоедливый звон мошкары.

В золотых от ромашек заплатах
По степи расстелились ковры.

Помню ржавую землю курганов,
Терпкий, гречневый запах земли,
Помню алые брызги тюльпанов,
И цветущие синим репы;

Одуванчиков снежных охапку,
Стаю уток, и Яблочный Спас,
Тёмно-бурый, ржаной, кисло-сладкий
Настоящий окрошечный квас;

Свежим сеном гужёную лошадь,
Запах рыбы и старых снастей,
Спуск к воде, камышами заросший,
И следы боевых крепостей...

Заскучав без степного полона,
И костра, что согреет в тиши, –
Вспомню сумрак усталого Дона,
И скользящей в тумане баржи...

Походное

Укутав плечи в одеяла,
Сидели мы вокруг стола.
Луна прерывисто бежала
От тучи тёмного крыла.
Искрился Дон, и дымкой зыбкой
Дорожка лунная цвела.

От лиц, украшенных улыбкой,
В ночи прибавилось тепла.
Трещали ветки, лес громадой
Казался в сумеречной мгле.
Для счастья многого не надо
На зачарованной земле.
Лишь хочется ковшом походным
Луны из речки зачерпнуть,
И власть напиток небом звёздным,
В обратный собираясь путь.

Капочка, крапушечка моя!

*Памяти родителей и брата моей бабушки,
погибших в 1942 году.*

Ранней синью, по гудку завода
Зарождение будущего дня –
Потому ты встала до восхода,
Капочка, крапушечка моя.

Голодно. Но лето у порога.
Репа есть, пусть мало, но своя.
Вот нарвёшь крапивы – будет много
Щей зелёных, целая бадья.

На заре спешит Капитолина,
Чтоб успеть к заводу до звонка.
Кутается в кофту торопливо.
Май красив, но холоден пока.

Всем заводом по две, по три смены
Мирные заложники войны
Танки собирали для Победы,
Танки собирали для Страны.

Распрямились у ромашек ножки,
Пчёл над лугом слышен сонный гул.
Подорожник влажные ладошки
К розовому солнцу протянул...

Но не властна против войн природа.
Миг. И мир от звона задрожал.
Заунывный вопль с небосвода
Столько жизнью сразу оборвал.

И бессилен крик. Дохнул на спину
Пот холодный. Судорога. Стон.
Капочка, твой дом лежит в руинах,
Сброшенным фугасом разметён!

Мама, папа, Павлик... Как же? Что же?
Оседает пыль. Сады в пыли.
Отпечаталось на серой коже
Крошево бетона и земли.

И в глазах навек застыло горе.
Заметались стаи воронья.
Только ветер песне мамы вторит:
Капочка, крапушечка моя...

Людмила Суханова

*кандидат в члены СП России,
г. Таганрог Ростовской области*

Незабудки

Незабудкою в душе
Прошлое хранится...
Хоть забыла я уже
Многое, и лица
Память стёрла, отчего ж
Незабудку вижу? –
И бежит по телу дрожь,
Грусть мне сердце лижет.
Я вдыхаю аромат
Юности далёкой...
Кто в разлуке виноват?
Стала одинокой
Та, небесной синевы,
Тихая лужайка...
Как живёте, сударь, Вы?
Прошлого не жалко?..

Мираж

О, эта тень, бегущая от дыма,
Мираж, наркоз иллюзий или ложь...
Не говори, что я тобой любима,
Не обещай, что вновь ко мне придёшь.

Прощаться, удивляться, обольщаться,
Впадая в безрассудство ярких снов.
Но только разве можно возвращаться
В одну и ту же грешную любовь?..

До горизонта б добежать!

О, как же время быстротечно,
Ну, чем не горная вода?
Казалось, лето будет вечным,
Но подступили холода.
На небесах набухли веки –
Вот-вот прорвёт лавина слёз,
Дороги превратятся в реки.
Что дальше? Слякоть да мороз...
А я опять – в привычной спешке,
Живу взахлёб – не удержать.
Бегу, бегу... За вешкой – вешка...
До горизонта б добежать!

Горсть горошинок

Нежданно и непрошено,
Тревожно и отчаянно,
Как будто горсть горошинок,
Заброшенных случайно,
В моё стекло оконное
Стучится всё навязчивей...
И в звуках монотонная
Тоска кричит щемящая...
Но струи серебристые
Дождя, на удивление,

Сменили настроение
И... окна стали чистыми.
И слёзы благодатные
Скатились, как горошины...
Бог мой – невероятное –
В надежде на хорошее,
Я отпускаю прошлое...

Непокой

А было воскресенье,
От слова «воскресать»,
И ты – моё спасенье –
Пришёл меня спасать...
Когда уже нависла
Гроза над головой,
И осень с миной кислой
Сулила слёзный рой,
А ветер жгучий, хлёсткий
Последние листы
С испуганной берёзки
Срывал... Явился ты...
В карманах – звезд сиянье,
За пазухой – луна
И позднее признание,
Как осенью – весна,
Как запоздалый донник,
Пахучий и хмельной...
Ты протянул в ладонях
Целебный непокой.
Развеялись сомненья,
Умчавшись в небеса...
И было воскресенье
От слова «воскресать».

Галина Тарасенко

*член ЛитСтудии при РРО СП России,
ст. Новорождественская
Краснодарского края*

Подснежник

Прошла «на цыпочках» весна.
И свет увидел диво – нежность.
Где след оставила она,
Раскрылся маленький подснежник.

Обласкан солнцем, удивлён
Прозрачно-тёплым дням погожим.
И ветру в такт кивает он,
И машет ласково прохожим.

Взгляд хрупкой лёгкостью манит.
И запах льёт воздушно – тонкий.
Я жду... Вот-вот он зазвенит,
Весёлый, сказочный и звонкий.

Зимы стирая письма, мена,
Легко и трепетно-мятежно...
Прошла «на цыпочках» весна,
Ковёр раскрасив белоснежный.

Поседевшее сердце

Дуют ветры и пусть себе дуют.
Льют дожди, ну и пусть себе льют.

Прошептал ты, что любишь другую...
Боль опутала душу, как жгут.
Словно гром среди ясной погоды...
Листопад посредине весны.
Мне замки бы на сердце и коды,
Чтоб не видел никто седины...

* * *

*«У побывавших на краю
Своё понятие о счастье».*

Николай Зиновьев

Своё понятие о счастье
У побывавших на краю...
Кто был у смерти прямо в пасти,
Тот вывел формулу свою:
Проснуться рано на рассвете,
Пройтись по лугу босиком,
Вдохнуть медовый дух стоцветий
И ветерок встречать кивком...
Неспешно чай тянуть из кружки,
Без суеты вершить дела,
Не выпускать слова-пичужки
И крест творить на купола...
Ловить любимую улыбку.
Держать ладошку малыша.
Знать – жизни нить хрупка и зыбка,
Но каждым вздохом хороша.

* * *

И ни за что и никогда,
Как бы меня вы не просили,

Моей ромашковой России
Я не покину, господа.

Как приворотная вода,
Любовь к Руси имеет силу
И, если вы её испили,
То чары эти навсегда.

Погаснет вдруг свеча моя.
Хочу, чтоб милые края
В берёзках душу приютили.

Пусть ветры дуют в такт кадрили
И трели льют пусть соловьи,
Но только русские... свои.

* * *

Ты пришёл красно-рыжею осенью.
А в глазах зимней стужи усталость.
Серебристою лёгкою проседью
В волосах твоих жизнь расписалась.

И щетина слегка запорошена,
Словно вьюга к щекам прикоснулась.
Укатилась обида горошиной.
В сердце прежняя нежность проснулась.

Встрепенулось оно вешней птичкою,
И тебе подчинилось всецело.
А смогло бы – и с места привычного
Из груди бы к тебе улетело.

Кукла

Долгожданную куклу купили.
И запрыгало сердце в груди.
И надежды лицо озарили,
Что весёлые дни впереди.
Закрываются карие глазки,
Слово «мама» она говорит.
Как из сказки пришла Златовласка.
Ярко бисер на платье «горит».
Обежала девчужка знакомых,
Обошла самых лучших подруг,
Показала подарок у дома,
Разнеся свою радость вокруг...
В доме ссора. А счастье слепое
Так и гонит – скорей поделись.
И игрушку прижав как святое,
Смех плеснула волной звонких брызг.
– Папа! Папа! Смотри, как моргает...
Если б только могла она знать!
Куклу он точно вызов бросает...
Улетает мечта под кровать...
Не измерить ничем силу боли.
Словно душу с размаху об пол...
Руки сами собрали безвольно
Крохи детской обиды в подол.

* * *

Быстрой тройкой по звёздной дороге
Ночь летит, закусив удила.
Я сегодня ко сну – недотроге
Прикоснуться совсем не смогла.

Он сбежал от меня по тропинке
Жарких мыслей, желаний, страстей,
Не просты декораций картинки.
Неожиданны лица гостей.
В кружевах он запутался лунных.
Может, пьёт в Млечном царстве меда.
Иль кометам поёт златорунным
Как прекрасны земные сады...
Быстрой тройкой по звёздной дороге
Ночь летит, закусив удила.
В лунном свете, присев на пороге,
Как любимого, сон я ждала.

* * *

Ну, скажи, как мне согреться,
Сердце.
Как мне научиться слушать
Душу.
Подчинять всегда и сразу
Разум.
Превращать в ночные звёзды
Слёзы.
Муки боли бессловесной –
В песни.
Бури жизни и ненастье –
В счастье.
По шаблону всех не мерить,
Верить.
И найти свою дорогу
К Богу.

* * *

А давай посидим у камина.
И вина, чтоб согреться, нальём.
Вмиг представим – костёр и долина...
Среди трав и цветов мы вдвоём.
Мы не выпустим памяти «джина»,
Многоцветьем мечты не блеснём,
А от пламени цвета рубина
Наши души наполним теплом.
Разольётся покой речкой вешней,
Словно в мире далёком, нездешнем.
И дрова станут громко трещать.
Как чудесно, как сказочно, славно,
Что мы можем с тобою о главном
Целый вечер вот так... помолчать.

* * *

Раскрыла заря свои «крылья»
И стала в полнеба сиять.
Всю душу для мира открыла,
И в дар предлагала принять.

Блеснула росинками сада,
Где веточки яблонь, айвы,
Прикрыла вуаль цветопада
И бусинки робкой листвы.

Мой взгляд восхищённый пленила
И краски меняла хитро.
Казалось, что «птица» манила,
Бросая на счастье перо.

Ольга Ткачёва

*член ЛитСтудии при РРО СП России,
г. Шахты Ростовской области*

Зоя с планеты Пикран

Рассказ

Утро выдалось туманное. Зоя шла по широкой улице, местному «Арбату», на работу. Фигуры прохожих казались призрачными, нереальными. Невозможно было разглядеть лица людей и подробности их одеяний. Всё, что дальше трёх метров — просто серые силуэты. Яркие осенние жёлтые листья на ветках деревьев светились как фары автомобилей в густой вате тумана. «Ну и погодка!» — подумала Зоя. На мгновение ей показалось, что она заблудилась, она не могла понять на каком отрезке «Арбата» находится. Она остановилась и стала озираться по сторонам. Туман всё клубился, но вот справа от Зои просветлело. «Проявились» из тумана колонны драматического театра и прислонённая к одной из них афиша. С неё на Зою смотрело мутное из-за тумана лицо гипнотизёра Зигфрида Штемпеля, на представлении которого она недавно побывала. Так как после этого события прошло уже почти две недели, то афиша была частично заклеена сверху другой, возвещавшей о приезде в город певицы Валерии. Кто-то надорвал афишу с Зигфридом Штемпелем сверху, и кучерявая шевелюра гипнотизёра повисла сбоку от его лица. Зоя подошла к афише, вцепилась ногтями во влажную от густого тумана бумагу и содрала лицо гипнотизёра с афиши. При этом она испытывала радостное чувство удовлетворения, будто расцарапала физиономию реальному Зигфриду Штемпелю. «Это он во всём виноват, а кто же ещё?» — со злостью

думала Зоя. Она винила гипнотизёра во всём, что случилось с ней после его сеанса.

— И зачем я полезла на сцену? Сидела бы тихонько в зале, наслаждалась бы зрелищем. Так нет же, захотелось покрасоваться! — Зоя и не заметила, что сказала эти слова вслух. Ей стало неловко, она посмотрела по сторонам, беспокоясь, что случайные прохожие могли её услышать, но прохожих не было. Она с облегчением вздохнула.

Зоя любила «блистать», это правда. В свои сорок восемь лет она «прекрасно сохранилась», как говорила её подруга Лиля. Толстушка Лиля всегда восхищалась стройной фигуркой Зои. Свои русые длинные волосы Зоя осветляла «под блондинку». Лицо у Зои тоже было замечательное: оно словно «застряло» во времени на том отрезке, когда ей было двадцать лет. Если бы Зоя была актрисой, то её амплуа было бы — «травести», и она бы играла на сцене юных девушек и подростков. Но Зоя была не актрисой, она работала в архиве проектной конторы машинисткой, но при знакомстве с новыми людьми она представлялась: «Архивариус!» Ей казалось, что так красивее и солиднее. Сотрудницы проектной конторы тайно завидовали ей: кроме «счастливой» внешности у неё был удивительно заботливый муж. Наружность у него была, правда, самая заурядная. Он был коренастый, чуть лысоватый, и как шутила Зоя — «чуть красивше обезьяны», что, как известно, для мужчины не трагедия. Анатолий задаривал Зойку подарками по поводу и без повода. По пятницам к концу рабочего дня он подъезжал к проектной конторе на «Волге» с шашечками на боку (Анатолий работал таксистом). Он выходил из машины и ждал Зойку с букетом цветов. Она, издав восторженный визг, сбегала к нему по ступеням, крепко обнимала за шею и поджимала ноги, Анатолий кружил её, как ребёнка.

— Как он её любит! — с плохо скрываемой завистью в глазах и приторной сладостью в голосах восхищались сотрудницы конторы. — И это после десяти лет совместной жизни!

Только вахтёрша тётя Люба, криво ухмыльнувшись, говорила:

— Показуха это! Знаем мы таких лизунов! Не иначе как гуляет «налево»!

Зоя как-то случайно услышала это ехидное замечание в адрес любимого мужа и набросилась на тётю Любу с упрёками.

— Что вы зря болтаете, как вам не стыдно! Да мой Толик вкалывает за троих, ему некогда ходить «налево». Да такого мужа днём с огнём не сыщешь, для семьи старается, всё в дом.

— О-хо-хо, милочка ты моя! Ты лучше поинтересуйся, что он делает в ночную смену-то.

— И не подумаю, я мужу доверяю, — ответила Зоя и гордо удалилась. Тётя Люба вздохнула и пробормотала:

— Да что с тебя взять, дурочка! Поживи с моё!

Брак с Анатолием был у Зои вторым по счёту. От первого брака у неё был сын Саша, а вот с Анатолием общих детей не было. Анатолий был участником ликвидации аварии на Чернобыльской АС. Иметь своих детей он не мог. Это была горькая правда. Супруги смирились с этим. Анатолий стал Саше хорошим отцом, а совсем недавно они проводили Сашу в армию. Зоя тосковала без сына, беспокоилась, не обижают ли «деды» Сашеньку. Ей требовалась поддержка Анатолия, а он вдруг взял да и ушёл... И к кому! К аферистке, которая сказала, что беременна от него! Теперь-то Зоя очень сожалела, что безоглядно доверяла Анатолию. «А ведь в глубине души я чувствовала смутную тревогу, когда он приходил домой после ночной смены, весь пропахший чужими духами, — вспоминала она с горечью, — и я верила его объяснениям, что будто бы попадаются ему пассажирки, которые льют на себя духи флаконами, вместо того, чтобы помыться. Шуточки, паразит, шутил! И вот осталась я совсем одна! — у Зои навернулись на глаза слёзы. — Ни сына, ни мужа!» Она ещё раз рванула ноготками афишу Зигфрида Штемпеля, отшвырнула обрывки в сторону и продолжила свой путь на работу.

Мысленно Зоя снова и снова «прокручивала» события, что произошли перед тем, как Анатолий её бросил. В памяти всплыло злополучное «шоу» в драмтеатре, которое скромно называлось «Психологические опыты профессора Зигфрида Штемпеля с участием зрителей». На представление Зою упростила пойти Лиля, большая любительница всего таинственного. Зоя хотела, чтобы и Анатолий пошёл с ними, но он отказался, сказал, что опять подменяет кого-то из таксистов в ночную смену.

Когда Зигфрид Штемпель попросил подняться на сцену всех желающих участвовать в опытах, Лиля почему-то на сцену не вышла, сидела на своём стуле как приклеенная, а вот на Зою «что-то нашло», ей захотелось непременно блеснуть на сцене. Она шла по проходу между стульями к сцене лёгкой пружинящей походкой и ловила на себе восхищённые взгляды мужчин и завистливые — женщин. Она знала, что выглядит великолепно, и не сомневалась, что из множества других желающих принять участие в опытах, Штемпель выберет именно её. Она не ошиблась. Профессор выстроил в шеренгу людей, вышедших на сцену, прошёлся пару раз вдоль неё и выбрал Зою, а остальным велел возвращаться в зал.

— А теперь прошу вас, сударыня, подойти к микрофону и закрыть глаза, — сказал гипнотизёр, обращаясь к Зое. С этого момента Зоя «выпала из реальности», как потом выразилась Лиля. Зоя не помнила, что делала на сцене, зато Лиля всё «действие» наблюдала из зала. Оказывается, гипнотизёр внушил Зое, что она инопланетянка-артистка с планеты Пикран, гастролирующая по планетам Солнечной системы. Сегодня она выступает на Земле, знакомя её жителей со своим искусством, а завтра её ждут на Марсе. Гипнотизёр включил магнитофон с записью музыки к фильму «Человек-амфибия», именно того места в фильме, где главный герой, Ихтиандр, плавал под водой, собирая жемчуг для Гуттиэре. Зоя танцевала под эту музыку, извиваясь всем телом. Потом магнитофон выключили, и гипнотизёр объявил, что сейчас Зоя споёт. Зал притих, и в полной тишине она запела инопланетную песню, похожую на стрекотание цикад.

— И как ты смогла издавать такие звуки? — всё допытывалась Лиля. — Ты была звездой шоу! Все в зале от восторга «ржали» как кони.

— Спасибо, утешила! — обиделась Зоя. То, что над ней потешался весь зал, больно задевало её самолюбие.

В первую же ночь после сеанса гипноза Зое приснился странный сон. А может, это происходило на самом деле? Снилось Зое, что будто бы лежит она в своей спальне на кровати. Рядом похрапывает Анатолий. Внезапно комната осветилась голубым светом, и Зоя увидела фигуру человека, ростом под потолок. То, что это инопланетянин она догадалась по его серебристому комбинезону, на котором не было видно застёжек. О том, что у инопланетян нет застёжек на комбинезонах, она читала в журналах, которые приносила на работу Лиля.

— Толик, проснись! — Зоя трясла мужа за плечо. Но он не просыпался. А высокий бледный светловолосый инопланетянин, похожий на жителя Норвегии или Голландии, протянул к ней руки. У Зои даже мысли не промелькнуло, что надо сопротивляться. Неведомая сила притягивала её к «скандинаву». Она без страха встала с постели и подошла к ночному гостю.

— Ты согласна посетить мою планету Пикран? — голос инопланетянина был приятен, от него исходило вполне ощутимое тепло, и Зоя почувствовала, как по всему телу сладко разлилось блаженство. «Как называется это чувство? — подумала Зоя, — кажется, это — истома». Она наслаждалась новым ощущением и сразу не ответила инопланетянину. Тогда он повторил свой вопрос. Его голос был бесстрастен. Он не выражал досады на то, что она медлит с ответом. Наконец, Зоя справилась со своими новыми ощущениями и ответила: — Да, я согласна. — Инопланетянин взял её за руку, они взлетели в воздух, приняли горизонтальное положение и сквозь закрытое окно вылетели на улицу. Зоя видела внизу ночной город, но страха высоты не было. Они полетели к НЛЮ, что завис возле трубы котельной.

Металлическая обшивка летательного аппарата серебрилась при свете луны. Зоя и её сопровождающий пролетели сквозь обшивку летающей тарелки внутрь.

«Как это возможно? — спрашивала себя Зоя. — Я ведь даже не почувствовала никакого препятствия».

Внутри «тарелки» свет струился со всех сторон, источника освещения не было видно. В стены были вделаны панели с какими-то знаками. В помещении стояли три кресла: два у иллюминатора и одно у панелей. Белокурый инопланетянин предложил Зое сесть в одно из кресел у иллюминатора, в другое сел сам. Вскоре появился ещё один инопланетянин. Он был очень похож на провожатого Зою, такой же высокий и белокурый, но Зое показалось, что у провожатого более симпатичное лицо. Второй инопланетянин уселся напротив панелей. Летательный аппарат стал бесшумно подниматься в небо. В иллюминатор Зоя видела удаляющиеся огни родного города. Внизу, в лунном свете блестела тонкой полоской речка, дугой огибающая холм, на котором стоит город. На вершине ажурной вышки телеретранслятора прощально мигали три красных огонька. Потом, когда «тарелка» вылетела в открытый космос, Зоя любовалась на родную Землю, окутанную голубой каёмкой атмосферы. Путешествие на Пикран длилось считанные минуты. Космодром на Пикране был вдали от поселений в каменистой пустынной местности.

Зоя и её сопровождающий опять приняли горизонтальное положение и перелетели из межпланетной летающей тарелки в маленькую двухместную, что уже поджидала их на краю космодрома. «Это, наверное, у них вроде междугороднего такси, — подумала Зоя, — а где же пилот?»

«Управление автоматическое», — прозвучал у неё в голове голос сопровождающего. Аппарат взлетел и быстро доставил их в город под гигантским прозрачным куполом. Когда «такси», везущее Зою и её сопровождающего, подлетело к куполу, в нём

раздвинулись прозрачные створки ворот, пропуская «такси» под купол.

Город был застроен длинными, одноэтажными, покрашенными белой краской домами, похожими на бараки. Улицы были разделены на дорожки, которые двигались в разных направлениях сами по себе, как эскалаторы. Небо над городом было зеленовато-серое, безоблачное. Инопланетянин пояснил Зое, что в этом городе всегда светло, ночи нет.

— А почему город под куполом? — спросила Зоя.

— Здесь обитают, в основном, выходцы с планеты Земля. Для них мы создаём особые условия.

Зоя обратила внимание на то, что на улицах города нет детей и стариков и очень много людей с уродствами. Она поморщилась и спросила:

— А почему у них такой отталкивающий облик?

— Это мутанты, — пояснил провожатый. Зоя испугалась и в голове молнией пронеслась мысль: «А вдруг и меня изуродуют как этих несчастных!»

— Не беспокойся, — сказал сопровождающий, словно услышал тревожную мысль Зои, — у тебя другая миссия!

Он привёл её в одно из зданий. Оно напоминало лабораторию. Находившиеся там белокурые инопланетяне (видимо сотрудники лаборатории), едва только Зоя с сопровождающим зашли в помещение, встали со своих рабочих мест и поклонились вошедшим.

— Приветствуем тебя, Сияющая! — сказал один из работников лаборатории. Зоя удивилась такому к ней обращению и подумала: «Они меня, наверное, попутали с английской королевой! Забавно!» Сопровождающий, словно опять прочитав её мысли, объяснил:

— Ты не видишь своего сияния, а мы, пикранцы, его видим. Ты сияешь, словно наши мудрецы, прожившие не одну тысячу лет, а ведь ты прожила только половину короткой человеческой жизни. Мы хотим изучить твой феномен.

Тревога вновь охватила Зою. Она огляделась по сторонам и увидела в лаборатории людей с прозрачной кожей, через которую были видны их кости и внутренние органы. Ещё она увидела людей, соединённых друг с другом прозрачными шлангами, по которым из одного человека в другого перетекала какая-то жидкость. Лицо одного из них показалось Зое знакомым.

— Да это же Зигфрид Штемпель! — узнала гипнотизёра Зоя. — Нет, не хочу, чтобы в меня вводили такой шланг! — закричала она.

— Не бойся! Ты достойна лучшей участи! — воскликнул один из инопланетян.

— Да, для этой сияющей женщины мы приготовим «особую процедуру», которая доставит ей большое удовольствие. Надо только тщательно подготовиться к эксперименту, — сказал самый старший по возрасту инопланетянин, — а пока надо вернуть её домой.

Обратный путь на Землю занял так же мало времени, как и полёт на Пикран. Зоя оказалась в своей спальне. Анатолий по-прежнему спал. Взволнованная Зоя растолкала мужа и рассказала о чудесном сне. Сонный Анатолий, как показалось Зое, слушал невнимательно, то и дело зевал, а потом сказал: «Читаешь всякую хрень, вот и примерещилось!» Он повернулся на другой бок и спокойно спал до утра, пока не зазвонил будильник. А Зоя так и не смогла в ту ночь заснуть. Конечно, придя на следующий день на работу, она рассказала «сон» Лиле, а Лиля разнесла новость «по секрету — всему свету». Сотрудники конторы живо среагировали на новость. Они подмигивали Зое при встрече, а между собой шуточно называли её не иначе, как «Зоя с планеты Пикран».

В обеденный перерыв Лиля гадала Зое на картах. Вглядевшись в расклад, она с важным видом изрекла: «Ждёт тебя, подруга, какое-то диво! Вот и сон был у тебя дивный, вещий!» Подруги посмеялись, а между тем «диво» не замедлило явиться.

Придя домой после работы, Зоя увидела, что Анатолий собирает свои вещи во вместительный чемодан.

— Толик, что ты делаешь?

— Не видишь что ли? Вещи свои собираю. Ухожу я от тебя.

— Куда? Как? — Зоя заметалась по комнате, выхватывая у Анатолия из рук вещи.

— Да не суетись ты! Сядь, мне серьёзно поговорить с тобой надо. Ухожу я от тебя к женщине, которая от меня беременна! Поняла? Ей уже скоро родить, я обязан быть с ней, я дал слово!

— Да врёт она, ты ведь бесплодный! У нас и справка есть! Ты что, забыл что ли? — кричала в отчаянии Зоя. Лицо Анатолия налилось кровью.

— Плевал я на справку! Я Светлане верю! — он прорычал эти слова, как дикий зверь, готовый разорвать Зою на части. Она чуть не задохнулась от злости и возмущения.

— Да так, как эта твоя Светка, и я забеременеть могла! Нагуляла бы где-нибудь ребёночка и сказала что — твой! Но я вела себя с тобой по-честному, а Светка — аферистка!

— Не трожь Светку! — взревел Анатолий и замахнулся на Зою. За десять лет совместной жизни Анатолий ни разу не поднял на неё руку, но Зоя хорошо помнила, как колотил её первый муж. Поэтому она живо юркнула под стол, не дожидаясь, когда Анатолий ударит. В её голове пронеслись мысли: «Вот и «сон в руку», вот и Диво!» Она сидела под столом, готовая в любую минуту на четвереньках рвануть к двери.

— Вылазь, инопланетянка, не трону! — сказал Анатолий. Зоя вылезла из-под стола, рухнула на диван и залилась слезами.

— За что, за что ты со мной так? — давясь слезами, спросила она мужа. — Ты меня с работы с цветами встречал, а сам, выходит, уже со Светкой спал!

— Что было, то было! — самодовольно ухмыльнулся Анатолий. — Она молодая и родит мне моего ребёнка, — он особым тоном выделил слова «моего ребёнка», — а ты... ты — инопланетянка и у нас поэтому нет детей! — выпалил Анатолий.

— Ха-ха-ха! Ой, умираю! И от кого я это слышу! Да по тебе психушка плачет! — захохотала Зоя.

Анатолий понял, что сгоряча «дал маху», ляпнул лишнее.

— Предатель! — кричала Зоя, — целовал меня, а сам давно уже предал! Вот куда ты шастал по ночам, а я, дура, верила, что ты вкалываешь! — Голос Зои звенел в ушах у Анатолия пронзительно, словно милицейский свисток. Он не стал больше разговаривать с ней, надел куртку, кепку и ушёл, хлопнув дверью. А Зоя с досады пинала чемодан и топтала одежду Анатолия.

Горестные воспоминания о некрасивом расставании с мужем не давали ей покоя. Вот и теперь, идёт она по «Арбату», а в голове все мысли только об Анатолии и его измене.

— Одна, одна, одна! — стучало в висках. В самом мрачном настроении пришла Зоя на работу. Когда она стала печатать на машинке, то испортила много листов. В техническом тексте она то и дело печатала имя неверного мужа — Толик. В ярости Зоя изодрала испорченные листы и выбросила их в корзину. Под конец рабочего дня в архиве раздался звонок, спрашивали Зою. Оказалось, это звонил Анатолий. Он собирался забрать свои вещи и хотел согласовать с Зоей время.

— Вот видишь, Зоя, судьба даёт тебе шанс. Может, помиритесь? — подбодрила подругу Лиля. Зоя, как на крыльях, «полетела» домой.

На другой день она не вышла на работу. Лиля позвонила ей на домашний телефон, но подруга не отозвалась на звонки. Тогда Лиля позвонила Анатолию на автобазу. Оказалось, что Анатолий был вечером у Зои, забрал свои вещи и сразу же ушёл. Где сейчас Зоя он не знает. Лиля забила тревогу, но ей сказали, что в милицию надо обращаться только через три дня после исчезновения человека. Лиля опять позвонила Анатолию и потребовала, чтобы он своими ключами открыл входную дверь и посмотрел, всё ли в порядке. Но Анатолий ответил, что Зоя забрала у него ключи от квартиры.

— Имей в виду, Толик, если Зойка через три дня не найдётся, я сдам тебя в милицию. Там расскажешь, куда жену дел! — пригрозила Анатолию Лиля.

Прошло три дня, а Зоя так и не появилась на работе. Анатолий, поначалу проявлявший полное равнодушие к исчезновению Зои, вдруг осознал всю опасность для себя такого поведения и поспешил написать заявление в милицию о пропаже жены.

Когда дверь в квартиру Зои взломали, то оказалось, что её там нет, ни живой, ни мёртвой. Входная дверь была заперта изнутри. Верхняя одежда Зои висела на вешалке в прихожей. Там же стояли её сапожки. В спальне, на разобранной кровати было откинута в сторону одеяло, как будто человек, откинув его, сел. Рядом с кроватью стояли домашние тапочки, развёрнутые носками от кровати. Все вещи Зои были на месте, не было только её самой. Поскольку последним, кто видел её, был Анатолий, на него и пало подозрение, но доказать, что он причастен к исчезновению жены не удалось. Зою объявили без вести пропавшей.

Сотрудники проектной конторы долго судачили о загадочном исчезновении Зои, недоумевая, куда она могла деться. Потом, как водится, острота момента притупилась и о Зое с планеты Пикран вспоминали уже очень редко.

Одна только Лиля, верившая в чудеса, догадывалась, куда могла деться Зоя, но предпочла помалкивать. Лиля долго думала и сопоставляла события, которые предшествовали исчезновению Зои. Она пришла к выводу, что инопланетяне выполнили своё обещание и забрали Зою на планету Пикран, где её ожидает «особая процедура», которая, как говорили пришельцы, ей понравится! В самом деле, почему бы не отправиться на планету Пикран или ещё куда подальше, где одинокому сердцу обещано утешение?

Владимир Убогий

*член ЛитСтудии при РРО СП России,
г. Таганрог Ростовской области*

Повестка

Рассказ

Сергей Пересельцев не любил долго сидеть на одном месте. И вот, проработав по окончании института год в средней школе, как только весенний воздух ударил ему в ноздри, он уже мечтал о том, чтобы перебраться в другое место.

Такой случай представился, когда заведомом культуры, перебивавшийся в новый райцентр при укрупнении района и знавший за Сергеем навыки музыканта и фотографа, предложил ему переехать туда же для подъёма культуры. Он же помог Сергею устроиться учителем русского языка и литературы в школе-интернате.

Сергей быстро прижился к новой обстановке. Сняв комнату у одинокой старушки, он днём преподавал в школе, а по вечерам бежал в клуб, где вместе с баянистом Михаилом Мищенко они организовали эстрадный ансамбль, приняв в свой коллектив двух гитаристов, ударника и басиста с огромным треугольным балалаечным контрабасом. Сам он играл на трубе, проучившись когда-то два года в музыкальной школе.

А вот и пятница. В субботу уроков нет. Впереди два выходных дня. Можно подольше поспать, можно с утра сходить в степь пофотографировать цветущие маки. Можно посидеть в уютной библиотеке, почитать свежие газеты и журналы.

Сергей пришёл домой. Его встретила хозяйка:

— Там тебе что-то с почты принесли: письмо не письмо...

Протянула листок бумаги. Сверху Сергей прочёл: «Повестка».

Внутри что-то неприятно заныло.

«В армию, что ли хотят забрать...», — подумал он и ушёл в свою комнату.

По какой-то сложившейся привычке не сразу взваливать на себя неожиданные проблемы, он, не читая, отложил в сторону повестку, пошёл к умывальнику, долго мылил руки, лицо, тщательно вытирался полотенцем. Когда уже нечем было оттягивать встречу с неизвестностью, он решительно подошёл к столу, взял бумажку и прочитал:

Такой-то, такой-то, проживающий там-то и там-то, вам необходимо такого-то числа явиться в районную прокуратуру по такому-то адресу.

Сергей ещё раз прочитал это режущее слух слово «прокуратуру», чем-то напоминающее звук разрываемой ткани, и глянул на часы. Уже шесть. Наверное, поздно.

Он как-то не сразу обратил внимание на дату. А когда снова взглянул в повестку, понял, что явиться нужно в понедельник. А сегодня только пятница.

Вечером Сергей пошёл на репетицию ансамбля. Михаил сразу заметил отсутствие в нём обычного веселья. Да и сам Сергей чувствовал, что во рту у него пересохло, а от этого и звук инструмента был какой-то суховатый.

— Ты что-то сегодня не в своей тарелке, — заметил Михаил, который, как руководитель ансамбля, тонко замечал все дефекты исполнения.

— Да, что-то голова побаливает, — ответил Сергей, не желая посвящать товарища в свои неприятности. Тем более, что он сам не понимал, в чём тут дело. И потом, как говорил один его коллега, сочувствие без помощи — простое издевательство.

Спать Сергей лёг поздно, но долго не мог заснуть, размышляя над возможными причинами вызова в прокуратуру.

В памяти всплыла книга Освальда Шпенглера «Закат Европы», с которой он познакомился ещё когда учился в своём

родном городе. Она не издавалась у нас в стране с 1922 года и выдавалась из хранилища только по спецразрешению. Но поскольку Сергей был давним и постоянным читателем городской библиотеки, заведующая доверяла ему и выдавала на дом редкие, а порой и не допущенные к свободной выдаче книги. Так он взял эту книгу и долго читал. Ему нравился широчайший размах эрудиции автора и оригинальный, почти космический взгляд на историю человечества.

Но тут как раз надо было уезжать на место работы по распределению. Он забыл про книгу и вспомнил только тогда, когда приехал домой на зимние каникулы. Сходил в библиотеку, но библиотекарша сказала, что книгу списали как пропавшую и он может оставить её у себя. Неужели «органы» докопались, что эта книга осталась у него?

В таких размышлениях проходили выходные дни.

Вспомнил Сергей и другой случай из студенческой жизни. Вместе с однокурсниками Виктором и Борисом забрёл он как-то в городской кинотеатр на собрание клуба кинолюбителей, где шло обсуждение только что вышедшего на экраны молодёжного фильма. Он уже забыл и название фильма. Помнил только, что девушка, которую бросил любимый, нашла счастье в трудовом коллективе.

На сцене за столом сидели активисты клуба. На трибуну по очереди выходили зрители, посмотревшие фильм, хвалили за правду жизни, за показ трудового человека, клеймили «изменщика» и отдавали должное рабочему коллективу. Какой-то чёрт дёрнул Сергея вылезти на трибуну и нести какую-то ахинею, что никакой трудовой коллектив не заменит человеку личного счастья, что и операторская работа в фильме довольно стандартная, построена на дешёвых эффектах сродни индийским кинокартинам.

Это вызвало негодование некоторой части публики. А пожилой мужчина с орденскими планками на пиджаке в негодовании кричал:

— Видал — пижон! Сорок одна тысяча зрителей посмотрела — им понравилось, а ему, видите ли, не понравилось.

Сергей пытался отшутиться, что количество ещё не определяет качество, но его слова потонули в гуле негодования других участников дискуссии.

Но тут на подмогу Сергею на трибуну вышел Боря. Как человек более взрослый и уравновешенный, он спокойно разложил все достоинства и недостатки фильма, разбив тем самым однозначность трактовки.

Ведущая, которая сначала была растеряна, теперь пришла в себя и обратилась к Борису:

— Вот вы так хорошо разбираетесь в фильмах, приходите в наш клуб, будем вместе проводить обсуждения.

Вскоре друзья разошлись. Но история на этом не закончилась. Через два дня Сергея вызвал на беседу парторг института. Это был старый службист с несколько усталым, но вполне приятным лицом.

Правда, вопрос, который он задал, Сергея просто ошарашил.

— Так что, студент Пересельцев, вам политика коммунистической партии не нравится?

Парторг, видимо, был родом с Поволжья, и потому говорил «пулитика куммунистической партии».

— Да нет, что вы, Фома Иванович (так звали парторга), — нравится.

— А что ж вы так себя ведёте? Обсуждение фильма сорвали.

— Но фильм-то действительно слабоватый.

— Но мысли-то в нём хорошие. Наши мысли.

— Так ведь слабой постановкой можно и хорошие мысли испортить.

— Знаете, а все ли так хорошо разбираются в искусстве? Главное, чтобы не было враждебных мыслей.

Фома Иванович помолчал, как-то искоса посмотрел на Сергея и снова спросил:

— А вот вы ещё отказались агитатором на выборах работать. Это как?

«Вот сволочь!» — подумал Сергей о парторге факультета Пулевике, к которому у него была личная неприязнь и которому Сергей, просто из упрямства, на предложение работать агитатором, ляпнул:

— Это не выборы, если нет выбора.

Всего этого Сергей не сказал Фоме Ивановичу. Лишь совершенно искренне признался, что после двадцатого съезда в идеологии так всё стремительно меняется, что не знаешь, чему верить, а чему нет.

Парторг внимательно посмотрел на Сергея, помолчал, видимо, думая о чём-то своём. Потом вполне дружелюбно сказал:

— Впредь тщательно обдумывайте слова, прежде чем проносить, особенно на широкой публике. Мне говорили, что вы хороший студент. У вас вся жизнь впереди. Не надо портить её в самом начале.

С тем и расстались.

Потом Сергей узнал, что во время обсуждения фильма в зале сидел корреспондент местной газеты, который уже заранее заготовил материал «о всенародном обсуждении фильма о рабочей молодежи», а ему сорвали мероприятие. Он и пожаловался в институт.

«Неужели из-за этого вызывают? — подумал Сергей. — Ведь сколько времени прошло». Кстати, он всё-таки понёс хоть какое, но наказание. Когда при распределении декан, ценивший в Сергее аналитический ум и литературные способности, предложил его кандидатуру в целевую аспирантуру, Пулевик возразил:

— Рано ему ещё. Пусть поработает, жизнь узнает.

Так Сергей вместо аспирантуры попал по распределению работать в деревенскую школу.

«Нет, — думал Сергей. — Вряд ли. Надо искать поближе».

В это время по радио шла передача «Песни по заявкам». Кто-то заказал французскую песню «Под небом Парижа».

«Стоп! — мелькнуло в голове у Сергея. — Французские армяне».

Это было пять человек армян, которые в 1947 году в составе большой группы репатриантов на пароходе переехали из Франции в Советский Союз. Поселились они со своими семьями в Ереване. Поскольку все они были сапожниками, а, как сказал один поэт: «Из всех сапожников всех стран считают лучшими армяне», — то таких мастеров в Армении и без них хватало. Они переехали в степной посёлок на Ставрополье, где теперь жил Сергей, и стали работать на комбинате бытового обслуживания.

Сергей, который в школе изучал французский язык, быстро вышел на них и подружился. Это были работающие люди. Поскольку семьи их оставались в Ереване, то им ничего не оставалось делать, кроме как работать. С шести утра до десяти вечера они шили новую обувь, ремонтировали старую.

Иногда они получали посылки из дому и приглашали к себе Сергея. В малозаметной землянке садились за стол, ставили бутылку армянского коньяка и играли в карты. Рассказывали о своей жизни во Франции. Старший, которого звали Соломон, имел в Париже сапожную мастерскую с пятью рабочими. Наделав за пару месяцев обуви, он грузил её в фургон и ехал на юг Франции, а оттуда пароходом через Средиземное море вез продавать в Алжир или Марокко.

Завтракали часов в десять. Позволяли себе пропустить по рюмочке водки. И ещё армяне часто пили густой, как дёготь, кофе по-турецки.

Общение с репатриантами расширяло кругозор Сергея, позволяло из первых уст узнать о жизни простых людей в далёкой Франции, освежить уже подзабытые знания французского языка. И ещё нравилось Сергею, когда самый молодой из них с чисто

французским двойным именем Жан-Пьер пел по-французски. Особенно запомнилась ему песня «Dans la nuit un violon joue presque en sourdine» («Ночью тихо играет скрипка»).

«Да, наверное, это, — подумал Сергей. — Общение с иностранцами».

К сапожникам заходили только заказчики. И ещё директор комбината, человек со скучным, словно из мятого пластилина, лицом. Да и тот просто приходил и, поздоровавшись, молча садился на стул в углу.

Соломон, держа в одной руке бутылку водки, а в другой стакан, незаметно подмигнув Сергею, спрашивал у директора: — Пётр Васильевич, выпьете с нами?

Тот неопределённо пожимал плечами, что Соломон понимал как знак согласия.

Начальник выпивал, потом, спросив для порядка: «Как у вас тут? Есть какие проблемы?», — на том и уходил. Вряд ли этот ко всему безразличный человек мог что-то сообщить о нём органам, тем более что и сообщать-то нечего.

На этом Сергей и заснул. На удивление, в эту ночь он спал не просыпаясь.

Утром в понедельник Сергей проснулся в пять часов. Поворочался в постели, потом решил ещё немного покемарить и чуть не проспал.

Придя по указанному в повестке адресу минут на пятнадцать раньше указанного времени, Сергей прошёл в приёмную, где секретарша по телефону уже составляла планы с подружкой сходить после работы в раймаг, куда, по её сведениям, подвезли что-то дефицитное.

Когда планы секретарши были свёрстаны и она положила трубку, Сергей поздоровался и молча протянул повестку.

Секретарша пробежала глазами бумажку, потом, помахивая ею, словно веером, сказала:

— А это вам к заму, Борзенкову, — и добавила: — Дмитрию

Платоновичу. Проходите. — Она указала на обитую дерматином дверь, чёрный прямоугольник которой напомнил Сергею слова Данте: «Оставь надежду всяк сюда входящий».

Сергей робко открыл дверь. В узкой комнате за столом сидел человек с макаренковскими усами. В нос ударил резкий запах прокуренного, непроветриваемого помещения.

— Можно? — спросил Сергей.

— Заходите, заходите, — ответил хозяин кабинета и поманил его ладонью к себе. — Садитесь.

Сергей сел.

— Что у вас? — спросил прокурор.

— Вот. — Сергей протянул повестку.

Прокурор подержал её в руке, почему-то тоже помахал, держа за кончик, словно проветриваясь. Полез в стол, достал папку. Нашёл нужную бумагу. Внимательно посмотрел на Сергея.

— Ну, что, товарищ Пересольцев...

«Слава богу, — подумал Сергей, — что хоть не «гражданин», — а вслух сказал:

— Я Пересельцев.

— Ну, хорошо. Так вы, товарищ Пересельцев, никакой вины за собой не чувствуете?

«Ну, вот, начинается допрос», — мелькнуло в голове.

Сергей ответил, как-то неловко пожав плечами:

— Да, вроде нет.

— Значит, вы честный человек?

— Ну, как можно так сказать о себе?

— А если покопаться?

— Может, я где-то дорогу перешёл в неположенном месте, — попытался Сергей угадать, к чему клонит прокурор.

— Да, нет. У нас тут не город, дорогу можно переходить в любом месте. У вас другое. Вот вы, вроде порядочный человек, учитель, а матрасы воруете.

— Это шутка? — осмелев, спросил Сергей, понял, что дело не политическое.

— Никаких шуток. Вот читайте. — Он протянул Сергею листок бумаги.

На листе ученической тетради было написано заявление в прокуратуру о том, что он, Сергей Пересельцев, бывший учитель Степнянской школы-интерната, не сдал полученный со школьного склада матрац стоимостью тридцать шесть рублей.

Сергей узнал почерк Аршинова, директора школы, в которой он работал. Улетучившийся страх теперь сменился недонованием:

— Да как это могло быть? Год назад я, поскольку поселился в казённой квартире, получил кровать, матрац, подушку, одеяло. Всё это было перечислено в расписке. Когда я перед отъездом сдавал вещи, кастелянша у меня не приняла бы неполный комплект и не вернула бы расписку.

— Так вы получили расписку?

— Конечно.

— И где она?

— Знал бы я, что она мне понадобится, я бы её в рамку завёл. Как говорят: знал бы, где упасть, я б соломы подстелил. — Совсем уже почувствовал себя свободно Сергей.

— Так что будем делать? Где матрац? — спросил прокурор.

— Ну, вы же понимаете, это абсурд. Что я его с собой сюда за сто пятьдесят километров тащил? Понимаете, это нелогично, — напирал Сергей на здравый смысл.

— Я понимаю, — сказал прокурор, — но бумага не понимает.

— Так что же мне делать?

— Не знаю. Но я вам даю срок две недели. Если за это время вы не решите этот вопрос, я вас вызову снова. Поезжайте в Степнянский, разберитесь.

— А если я не докажу?

— Уплатите в сберкассе указанную в повестке сумму.

— Можно идти?

— Идите.

— До свиданья.

— До свиданья.

Сергей вышел на улицу, вдохнул свежего воздуха.

«Ну и сволочь этот Аршинов! Заставил меня промучиться два дня и три ночи из-за такого пустяка. Что же делать? Завтра ехать? Всё-таки тридцать шесть рублей — треть зарплаты».

Но не хотелось больше встречаться с директором. Это был высокий, худой человек. Он уже давно вошёл в роль начальника и потому почти никогда не улыбался. Особенно неприятной была в нём привычка поглаживать большим и указательным пальцами сверху вниз уголки рта, словно он вытирал слюни.

Сергей пошёл домой. Перед самым домом почувствовал под ногой что-то вязкое. Это он наступил на «коровью лепёшку».

— Вот чёрт! — выругался Сергей. Долго отчищал дерьмо с подошвы.

Дома отсчитал тридцать шесть рублей и пошёл в сберкассе. Молоденькая кассирша отбила чек.

Вечером Сергей явился в клуб. Стали репетировать мелодию из кинофильма «Золотая симфония». Когда прозвучали последние аккорды, Михаил сказал:

— Слушай, Сергей, у тебя звук сегодня отменный. В чём дело?

— Просто я, перед тем как идти на репетицию, полстака-на водки выпил. От этого губы делаются эластичными и звук чище, — соврал Сергей.

Михаил сделал знак музыкантам, и в зале снова зазвучала весёлая музыка.

Владимир Хлыстов

*кандидат в члены СП России,
г. Таганрог Ростовской области*

* * *

Не мучь себя надеждой,
Мечтою не тревожь.
С тобою мы, как прежде,
Уже не выйдем в рожь.

Акаций облетели
Узорные листы,
Багряные метели
Засыпали кусты.

Дорогами степными
Гуляют ветерки,
И криками грудными
Зовут, манят гудки.

Но за гудками, ноя,
Душа не побежит.
Душа теперь с другою
И ей принадлежит.

А сердце? Сердцу мнился
Забывтый голос твой,
А разум заблудился
Меж сердцем и душой...

Не мучь себя надеждой...
Уйдут за дымку лет
Мечты, что были прежде,
И тот хмельной рассвет...

И лишь во снах, порою,
Да в приступах тоски
О прошлом нам напомнят
Мятушие гудки.

* * *

Когда орлы степные
На курганы
В когтистых лапах
Дичь к себе несут,
Когда кровавые
Уже дымятся раны,
Мольбы и стоны
Жертву не спасут.

Всего на миг
Беспечной оказалась,
А может быть,
Игрою увлеклась,
С небес безжалостных
Карающе сорвалась
Когтей и клюва
Гибельная власть.

В миг роковой,
Когда накрыло тенью,
И вихорь вдруг
От мощных крыл возник,

Крик ужаса
Застыл в степи весенней.
Защитой зыбкою,
Последний в жизни крик.

Степь равнодушная
На крик не отозвалась.
Курганы спали,
Плыли облака.
И только мне
Навязчиво казалось,
Что хищный взгляд
За мной
следит
издалека.

* * *

Как вспышка света коротка!
Всего лишь миг! Не век!
Но как же страшен
И велик
Бывает человек!

Но и величие и страх,
Всё разум дал ему.
Хулу и славу на устах,
Свет жизни,
Смерти тьму.

Несёт его поток живой
В воронку светлой мглы.
Что там?
Кто там?
Исход какой?..
Не знаем это мы...

Занятия в кандидатской группе прозы

Занятия в кандидатской группе поэзии

Семинар

Кандидат в члены СП России, поэт Елена Шевченко

Содержание

Татьяна Александрова г. Миллерово Ростовской области. <i>Про Яшку-гаишника. Рассказ.</i>	5
Людмила Андреева г. Азов Ростовской области. <i>Предновогодняя сырость. Стихи.</i>	12
Елена Арент г. Таганрог Ростовской области. <i>Сад. Стихи.</i>	16
Татьяна Волокитина г. Таганрог Ростовской области. <i>Роды. Стихи.</i>	19
Наталья Воронина г. Красный Сулин Ростовской области. <i>Рождается стих. Стихи.</i>	23
Валентина Даныкова г. Таганрог Ростовской области. <i>Клава и Гиппократ. Рассказ.</i>	26
Вячеслав Дутов г. Красный Сулин Ростовской области. <i>Вырастаем в братстве. Стихотворение.</i>	31
Ирина Дьяченко ст. Мальчевская Ростовской области. <i>Полнолуние. Стихи.</i>	32
Галина Ерёмкина г. Шахты Ростовской области. <i>В музее. Стихи.</i>	40
Нина Золотова г. Таганрог Ростовской области. <i>Прощёное воскресенье. Рассказ.</i>	47
Александр Квиткин сл. Кашары Ростовской области. <i>Зеркалова Жень. Стихи.</i>	50
Тамара Колесникова г. Ростов-на-Дону. <i>Сентября наивные надежды. Рассказ.</i>	55
Ирина Коротеева г. Ростов-на-Дону. <i>Ангел. Стихи.</i>	61
Ольга Лозбенева г. Таганрог Ростовской области. <i>Ты нужен. Рассказ.</i>	65
Татьяна Мажорина г. Волгодонск Ростовской области. <i>Чебурашка и Гена. Стихи.</i>	68
Павел Малов г. Ростов-на-Дону. <i>Поле разлуки. Рассказ.</i>	73
Владимир Морж г. Ростов-на-Дону. <i>Кнопка в учебном плане. Рассказ.</i>	84

Елена Морозова г. Волгодонск Ростовской области. <i>Мелодия сна. Стихи.</i>	94
Александр Прохода г. Новочеркасск Ростовской области. <i>Осенняя листва. Стихи.</i>	97
Наталья Скрипова г. Волгодонск Ростовской области. <i>Март. Стихи.</i>	99
Людмила Суханова г. Таганрог Ростовской области. <i>Незабудки. Стихи.</i>	106
Галина Тарасенко ст. Новорождественская Краснодарского края. <i>Подснежник. Стихи.</i>	109
Ольга Ткачёва г. Шахты Ростовской области. <i>Зоя с планеты Пикран. Рассказ.</i>	115
Владимир Убогий г. Таганрог Ростовской области. <i>Повестка. Рассказ.</i>	126
Владимир Хлыстов г. Таганрог Ростовской области. <i>«Не мучь себя надеждой...». Стихи.</i>	136

РОЖДАЛОСЬ СЛОВО...

Литературно-художественный сборник участников
литературного семинара при РРО СП России
2014 – 2015 учебный год

Редактор *П. Г. Малов*
Вёрстка *П. Г. Малов*
Корректор *В. В. Морж*
Директор издательства *А. Г. Береговой*

Редакционная коллегия:
П. Г. Малов, В. В. Морж, А. А. Прохода, В. Н. Убогий

За опубликованные тексты издательство
«Донской писатель» ответственности не несёт.

Издательство «Донской писатель».
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Серафимовича 89/94.
Тел.: 8-918-599-67-51; 8-918-854-80-59

Подписано в печать 30.10.2015 г. Формат 60x84 1/16
Печать офсетная. Объём 9 усл. п. л. 144 стр.
Обложка мягкая «Лён» 4+0. Тираж 100 экз.
Гарнитура Times New Roman.

**Ростовские региональные отделения
Литературного фонда России
Союза писателей России
Издательство «Донской писатель»**

Всем авторам, а также юридическим лицам (предприятиям, фирмам, организациям, учреждениям, административным структурам):

- издание книг, буклетов, журналов;
- редактирование текстов;
- консультации известных донских прозаиков и поэтов;
- рецензирование рукописей;
- подготовка и выпуск мемориальных альбомов/книг (включая текстовой контент и дизайн);
- иные полиграфические услуги;
- помощь в реализации особо удачных книг.

10% скидка членам Литфонда РФ.

Высокое качество – низкие цены – точные сроки.

В издательстве «Донской писатель» работают профессионалы.

Ростовское региональное отделение Литературного фонда России с 2013 года выпускает литературно-художественный журнал «**ДОН_новый**».

Издательство «Донской писатель» с апреля 2015 года начало выпуск малоформатных и низкобюджетных (по минимальным ценам) книг из серии «Библиотечка журнала «**ДОН_новый**».

С условиями нашего с Вами сотрудничества Вы можете ознакомиться в представительствах издательства по телефонам:

в Ростове-на-Дону: т/ф 8-(863) 292-78-03;

тт. 8-988-567-43-95/8-918-599-67-51/8-918-854-80-59,

в Новочеркасске: 8-908-179-11-84,

в Новошахтинске: 8-918-544-10-91,

в Вёшенской: 8-929-819-51-17,

в Таганроге: 8-904-346-46-07,

в Волгодонске: 8-928-186-35-99,

по Краснодарскому краю: 8-928-039-51-78.

donpisatel@yandex.ru